

Когда я без тебя... (сборник)

Автор:

Эльчин Сафарли

Когда я без тебя... (сборник)

Эльчин Сафарли

«...любви без жертв не бывает. Главное, чтобы жертвы приносились добровольно, с открытым сердцем. Наполняя чью-то жизнь, опустошают свою. Как в сообщающихся сосудах, все должно быть поровну – вот суть гармонии. Перевес в одну из сторон чреват накоплением разочарований.

Все же любовь – это свойство характера. У одних в характере ее все время ждать, у других – непрерывно искать, у третьих – повсюду находить.

Знаешь, что самое страшное в жизни? Опустить руки. Это легче всего. Разве трудно, сидя на дне колодца, посмотреть вверх и сказать, что спасения нет? Проще простого! Куда сложнее карабкаться вверх, срываться и пробовать снова, сантиметр за сантиметром».

Ваш Сафарли

Эльчин Сафарли

Когда я без тебя... (сборник)

Я вернусь...

Роман

С благодарностью моей маме, сестрам Рамзие Джилгамлы и Диане Зенюк, а также Маше Кушнир

В этой книге слова «надежда», «вера», «счастье» и производные от них употребляются 678 раз

- Я слышал, ты читал книгу, и что ты в ней нашёл?

- Новую жизнь.

- Ты в это веришь?

- Верю.

- Послушай меня, я тоже когда-то поверил книге. И решил, что найду этот мир. (...) Поверь мне: в конце концов нет ничего, кроме смерти...

- Тот мир существует! (...)

- Да нет ничего! Это всё красивые сказки! Считай это чем-то вроде игры, в которую один старый идиот играл с детьми. И вот однажды он решил написать такую же книжку, но для взрослых. Вряд ли он сам понимает смысл того, что написал. Читать забавно, но если поверишь в нее - жизнь пропала...

Орхан Памук. «Новая жизнь»

...Ты смотришь на меня, смотришь на меня из близи, все ближе и ближе, мы играем в циклопа, смотрим друг на друга, сближая лица, и глаза растут, растут и все сближаются, ввинчиваются друг в друга: циклопы смотрят глаз в глаз, дыхание срывается, и наши рты встречаются, тычутся, прикусывая друг друга

губами, чуть упиравшись языком в зубы и щекоча друг друга тяжелым, прерывистым дыханием, пахнущим древним, знакомым запахом и тишиной. Мои руки ищут твои волосы, погружаются в их глубины и ласкают их, и мы целуемся так, словно рты наши полны цветов, источающих неясный, глухой аромат, или живых, трепещущих рыб. И если случается укусить, то боль сладка, и если случается задохнуться в поцелуе, вдруг глотнув в одно время и отняв воздух друг у друга, то эта смерть-мгновение прекрасна. И слюна у нас одна на двоих, и один на двоих этот привкус зрелого плода, и я чувствую, как ты дрожишь во мне, подобно луне, дрожащей в ночных водах...

Хулио Кортасар. «Игра в классики»

...ход событий определяется не мною. Вместо того чтобы управлять своими персонажами, я предоставляю им жить собственной жизнью и без помех выражать свое мнение. А сам только слушаю и записываю.

Рай Брэдбери

Я хотел писать обо всем, обо всем, что происходит вокруг.

О твоих цветах, когда ты приносишь их.

Об этом полотенце, о запахе; о том, какое оно на ощупь.

О всех наших чувствах – твоих, моих...

Об истории: какими мы были.

Обо всем в мире, обо всем вместе, милая!

Потому что всё в жизни смешано...

К/ф «Часы»

Часть I

О них

Мы вправе лететь туда, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы.

Ричард Бах

1

...Она выжала для меня мандариновый сок и ушла. Навсегда. Под стаканом с цитрусовым фрешем влажная по краям салфетка. На ней болезненные слова неровным почерком. «Я уехала. Не ищи меня». Она ушла в первый день лета. Не побежал искать ее. Не начал звонить на ее мобильный. Не закурил нервными затяжками. Я взял стакан с соком, поднес к носу. Начал принюхиваться. Неужели мандариновый аромат овладел фиалковым запахом ее кожи? Неужели тот не сохранился на стекле высокого стакана? Мне нужна ты. Я хочу тоже уйти. За тобой или к тебе. Неважно. Важное – это ты...

...Женщины оставляют мужчинам на прощанье волшебные ночи. Женские следы на мужских сердцах. В ночь перед разлукой она целовала не так, как обычно. Ее поцелуи застывали на моем теле, словно снежинки на заледеневшем окне. Почему-то становилось холодно. Сейчас я понял. Прощальные поцелуи теряют теплоту. В них остывшая нежность расставания... В последнюю ночь она смотрела на меня не так, как обычно. Во взгляде отчуждение. Отчуждение наперекор любви. Она понимала, что ей пора, но всячески оттягивала час ухода. Борьба души и разума. Разум победил. Ушла. Сейчас я понял. Во взгляде перед разлукой нет тоски. В нем безмолвный протест. Протест против себя самой. Чувства проигрывают разуму. Чаще всего...

...Открываю холодильник. В нем ничего нет, кроме зеленых яблок. Крупных, сочно-зеленых, с восковой кожурой. Она запомнила. Как-то рассказал ей, что в детстве излечивался от грусти зелеными яблоками. Прятался в зарослях дедушкиного сада, уплетал сочные яблоки, разглядывал небо, считал пролетающие самолеты. Так грусть забывалась. Она понемногу исчезала, как исчезают в небе самолеты... Всю последующую неделю ел яблоки из холодильника. В каждом из них жили воспоминания. Съедал воспоминания, навсегда оставляя их в себе. Никаких самоистязаний. Я грустил, питался яблоками, вспоминал. Где-то в глубине души по-детски надеялся, что в день, когда закончатся яблоки в холодильнике, она вернется. Яблоки закончились. Она не вернулась...

...Все рождается из малого. Наша любовь родилась из одного нечаянного прикосновения. Очередь в пункте обмена валюты. Вечерняя суматоха на Истикляль Джаддеси[1 - Улица Независимости в центре Стамбула.]. Мелкий весенний дождь, похожий на пудру. Фальшивые песни уличных музыкантов. Продавец мороженого зазывает клиентов. Сонные голуби на крыше газетного киоска. Фисташковый аромат баклавы[2 - Турецкая сладкая выпечка.] в свежем воздухе. Она задевает меня сумкой, и я роняю портмоне. Куруши[3 - Турецкая разменная монета.] покатались по кафельному полу. Я говорю «пардон» на турецком. Она «ой, извините ради бога» на русском. Одновременно нагибаемся, чтобы собрать монетки. Прикосновение. У нее холодные руки. Первое, что заметил в ней. Потом заглянул в ее глаза. Зелено-голубые. С искренней тревогой, обволакивающей нежностью. Захотелось поцеловать ее в губы. Не сдержался. Поцеловал.

Она удивилась, а я влюбился. «Давайте съедим мороженого...» Сказал первое, что пришло на ум. Она ответила на турецком. «Оки[4 - «Можно» (турец.)...]...» Потом вlepила мне пощечину. «Однозначно вы любительница имбирно-шоколадного мороженого...» Она засмеялась, а я не извинился...

...Настоящая любовь соткана из противоречий. Прошита нитями разных характеров, вкусов, стремлений. Наша любовь поселилась между небом и землей. Небом, воздушно-ветренным, была она. Землей, стабильно-приземленной, был я. Любовь между нами... Я – мусульманин, она – православная. Я люблю черничный пирог, она обожает вишневый. Я нахожу себя в осени, она постигает гармонию летом. Я верю в мимолетность счастья, она верит в возможность его протяженности. Мы были и оставались разными. Различие укрепляло чувства,

разукрашивало пестрыми оттенками повседневность. Индивидуальность в любви должна быть сохранена. Иначе со временем погибнут и чувства... Тогда кто из нас размотал узелки чувств?..

2

...Аппетитные шарики мороженого таяли в вазочке из перламутрового стекла. Теряли индивидуальность, сливались в общую бледно-коричневую массу. Она облизывала чайную ложку, время от времени задерживая ее в клюквенных губах. Мысленно покидала эту кафешку с видом на Босфор. Уносилась туда, где свободна ее свобода. Чисто женская свобода. «...Мечтаю превратиться в чайку. Парить над Золотым Рогом, клевать рыбу, позволять кормить себя хрустящим симитом[5 - Турецкие бублики, усыпанные семечками кунжута.]. Самой решать, куда и с кем лететь...» Она говорила про себя, но вслух. Бархатистый голос, редкие ресницы, улыбка с ямочками. Тлеющая сигарета в пальцах. «Эй, чайка, у тебя мороженое тает...» Она вздрагивает, переводит взгляд с Золотого Рога на меня. Проникает в глубину моих глаз. Мурашки по коже. У меня. А на ее лице улыбка.

Вдавливает сигарету в пепельницу. «Могу тебя кое о чем попросить?» Официант подносит горячий чай с кюнефе[6 - Сладкий сырный пирог, который едят исключительно горячим.]. Теплый сахарно-шафрановый аромат гонит прочь ванильные оттенки мороженого. Одна из моих дурных привычек - горячее после холодного. «Проси...» Она снова возвращается взглядом к Золотому Рогу. «Подари мне...» Недоговаривает, закуривает. «Что подарить?» Перед глазами пронесли вывески ювелирных магазинов, дорогих бутиков. В первые 48 часов влюбленности мужчина сомневается в женщине. На подсознательном уровне. Страх разочароваться. «Подари мне надежду...» От неожиданности роняю сигарету. Она засмеялась. Привстала, перегнулась через столик. Поцеловала в нос. «Подаришь? Ну же, не жадничай...» - «Подарю...» В этот миг зазвонил ее мобильный. Он звонил все время, пока мы были с ней. Нас часто ждут именно там, куда мы возвращаться не хотим... Почему не утопил ее мобильный в Босфоре? Телефонные трубки мешают делать поступки. Прямо как в песне...

...Ее зовут Мирумид. Она так представилась. «Неужели есть такое русское имя?» Недовольно поджимает губы. «Если бы я представилась Наташей, тебе стало бы

легче?» – «О'кей, тогда меня зовут Светусвет...» – «Издеваешься?» Она чертовски сексуально злится. Бросает в меня надкусанным жареным каштаном. На нем следы ее помады. Оп, удастся поймать его ртом. «Ладно-ладно, будь по-твоему, Мирумид. А кому ты желаешь мира?» Задумывается. «Своему внутреннему миру... Доволен, Светусвет?» Смеюсь. «Доволен...»

Она останавливается у входа в Галатскую башню[7 - Один из символов Стамбула, расположена в европейской части города на высоком холме района Галата.]. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Мирумид поднимает голову. Разглядывает шестидесятиметровую «Башню Иисуса»[8 - Генуэзцы, построившие Галатскую башню в 1348-1349 гг., называли ее «Башней Иисуса»]. Осторожно подкрадываюсь сзади, целую ее в шею. Чуть влажную, загорелую. Второй поцелуй за первый день знакомства. Нахальство или смелость? Она оборачивается. В глазах грусть. «Я боюсь тебя полюбить...» Прижимаю ее к себе. «Не бойся... Ведь я тебя уже полюбил». Мирумид смущенно отстраняется. «Лучше помоги мне преодолеть 143 ступеньки Галаты... В лифт я не сяду». – «Могу взять тебя на руки. Только за это предусмотрена плата: один поцелуй...» Злится. Опять невероятно сексуально. «Вы все на Востоке так обаятельно торгуетесь? Никаких поцелуев. Вперед и с песней...»

...Она носит одежду цвета морской волны и насыщенный желтый. Так выражается ее предвкушение моря и солнца. «Когда хочу спрятаться ото всех, я мысленно погружаюсь в Босфор. Теплое море, прогретое летним солнцем... Поэтому каждый год приезжаю сюда. Здесь мне не надо нырять. Здесь могу плавать на поверхности». Своим образом Мирумид дополняет ослепительную палитру летнего Стамбула...

Живет не своей жизнью. «Я говорю „люблю“ тому, кого не люблю. Разве это не самое большое несчастье?» Не рассказывает о жизни вне настоящего времени. Пара слов, затем меняет тему разговора. «В Москве холодно. Всегда... Слушай, сколько стоит у вас стрижка в приличном салоне?» Мы не обсуждаем завтра. Никаких планов, идей, задумок. Полюбили друг друга в сегодня.

Любовь редко имеет дело с будущим временем. Зачастую она остается в прошлом или сохраняется в настоящем. Если любовь продолжается в будущем, значит, ее носителям бесконечно повезло... Слушаю ветер. Он, перегоняя облака, приносит весточки из параллельного времени. Для ветра расстояние между Стамбулом и Москвой пустяк. Так почему же не рассказываешь о ней,

ветер?..

3

...Познакомившись с моей кухней, сильнее полюбила меня. «Женщины распознают характер мужчины молча. Не задаем вопросов, не лезем в душу. Присматриваемся, прислушиваемся, нащупываем. Действуем без слов...» Мирумир убеждает, что кухня мужчины говорит о его характере. «Если кухня чистая, нетронутая, значит, мужчина нуждается в домашнем тепле, хотя готов всячески отрицать это. Такого упряма нужно баловать вкусной едой, но при этом не утомлять вниманием... Если на кухне кавардак, повсюду пепельницы с окурками, значит, у мужчины сложный характер. Под такого нужно подстраиваться, причем очень осторожно... Твоя кухня „живая“. В ней есть жизнь. А значит, с тобой интересно, но совсем не легко. Отстаиваешь свое личное пространство».

Говорю, что не верю в подобные обобщения. Она замолкает, встает с кровати. Надевает лифчик. У нее маленькая грудь с нежными персиковыми сосками. Безумно красива. Изящная сексуальность. Гордая осанка, хрупкие плечи, чувственно выпирающие позвонки. Шрам на правом локте. Коротко стриженные ногти...

Встаю с кровати, поднимаю ее на руки, возвращаю в постель. Брыкается, колотит по спине, возмущается. Я впиваюсь в ее сухие губы, напоминающие фиалковые листья. Возбуждающая естественность. Почти не пользуется декоративной косметикой, духами. Такая, какая есть. Без шаблонной красоты, наигранной женственности. Она не читает Кундеру – любит Хёга, Саган, Капоте. Часто повторяет фразу из «Завтрака у Тиффани»: «Мы с этой кошкой очень похожи. Мы обе бедные, безымянные растрепы...»

Она целует в подбородок, трется лицом о мою щетину. «Скажи, что не любишь меня... Прогони... Скажи, что тебе от меня нужен секс и больше ничего... Не втягивай в любовь...» Вхожу в нее глубже, шепчу в ухо. «Люблю... Слышишь,

люблю... Ты не уйдешь...» Она закрывает глаза. Текут слезы. Любовь со связанным сердцем. У вас такое было? Когда нет пути назад или вперед. Есть только место, на котором стоишь и не можешь двинуться...

Сидит на подоконнике. В трусиках. Обхватив руками колени. Волнистые русые волосы. Банановый лак на ногтях играет в лучах солнца. Приношу кофе. Наступая на «Bonjour tristesse»[9 - «Здравствуй, грусть!» (фр.)] в мягкой обложке, берет чашку. «Она тебе так близка по духу?» Листаю книжицу. Бледно-серая бумага, плохая склейка. Книга пахнет ею. «Немного... Чем больше читаю Саган, тем лучше начинаю понимать, какой у нее был сложный характер... На первое место она ставила свое удовольствие... всегда... Простительный эгоизм... но не это важно...»

Отпивает кофе. «Великолепно... Ellerine saglik[10 - Здоровья твоим рукам (турец.)]... А что за кофе?» - «Инжирный». - «Какой?!» Откладывая книгу в сторону, вытаскиваю сигарету из пачки. Зажигалка шалит - пламя прерывистое. «Да-да, родная, инжирный. Его во времена Османской империи готовили. А меня бабушка научила. Бабушка Лале...»

Мирумид открывает окно, втягивает морской воздух. «Эй, Босфоор, привееееет!..» Машет рукой великому проливу, привлекая внимание проходящих внизу людей. Обнаженная девушка в окне шестого этажа среди бела дня. Я смеюсь, удивляясь себе самому. При всех приобретениях современности во мне немало консерватизма. Но рядом с ней я почему-то меняюсь, подобно направлению ветра. Сильное влияние или большая любовь?

«Вернемся к кофе... Расскажи, как его приготовить? Буду им наслаждаться в Моск... Короче, не важно где». «В кофемолку вместе с зернами добавь мелкие кусочки сушеного инжира, щепотку корицы. Вари любимым способом. Вкус, как видишь, особо не изменился. Зато аромат какой... Только не забудь разлить готовый кофе по чашечкам через сито, без гущи».

Допивает кофе. Задумывается. Обращает взгляд на настенные часы. «Принеси скотч. Я хочу заклеить стрелки, чтобы они не двигались. Или вынь из часов батарейки. Сделай что угодно, останови время...» - «Зачем, Мирумид?» Молчит. «Объясни - зачем». Опускает глаза. «Ну же...» Она неожиданно замахивается и разбивает кофейную чашку о стенные часы. Плачет. «Останови время... Останови...» Обнимаю ее. «Хорошо, хорошо... Не плачь...» Перед разлукой время ускоряет ход, а с наступлением разлуки замедляет. В программе «Love is...»

много ошибок. Но переустановить ее невозможно. К сожалению...

4

...Дороги ночного Стамбула все в осколках разбитых сердец. Хрустят под ногами, крошатся, впиваясь в обувь прохожих. Прохожие – это те, кому сегодня повезло. Чутьочку больше, чем другим. Впрочем, каждый из этих прохожих осознает, что завтра ночью может разбиться и его сердце. Закон мегаполиса: всем повезти не может. На пленке «Istanbul Gold 400» более 20 миллионов кадров с человеческими судьбами. Чувствительность повышенная, цветовой баланс – лучший на Востоке...

На часах 03:12. Бейоглу. Богемный район Стамбула. Старшее поколение турков называет его «очагом безнравственности», молодежь – «райским адом». Богемный цветок Стамбула впервые вырос, расцвел именно здесь. С тех пор он каждый день расцветает после полуночи...

Пустая автобусная остановка. Кругом никого, кроме нас и двух пьяных трансвеститов, заснувших у одного из лайтбоксов. Сидим на расстоянии друг от друга. Курим в унисон. Я «Кент 1», она – «Кент 4». Собрала волосы в два пучка. Надела большие очки – желтые стекла в зеленой оправе. «Чего смеешься? Отражение состояния души...» В молчании смотрим на проезжую дорогу в нескольких метрах от нас. Машин мало. Лишь изредка проносятся такси со святающимися шашками. Светофоры меняют цвета, секундомеры на них бесполезно сообщают призракам ночного города о зеленом свете.

Босфор затих, под носом заходится дымом моя сигарета, за квартал отсюда надрывается музыка. Прислушиваюсь к словам песни. «Istanbul seni kaybetmis... Eski bir banda kaydetmis...»[11 - «Стамбул потерял тебя... Записал на старую ленту...» (турец.)]. Прямо в сердце. «Я боюсь тебя потерять... Тебя... Мирумис... Слышишь?» Где-то взвыла полицейская сирена. Женский крик. «А я и так потеряна...» Она дует на светофор, и он, повинувшись ей, меняет цвет. «Смотри-ка,

я – фея... Фея с дурной головой... Светусвет, прошу тебя, потеряй меня...»
Зазвонил ее мобильный. Не отвечает. «Поздно, детка. Я тебя уже нашел»
Бросает окурочок, придавливает его носком босоножки. Усмехается. «Так в чем проблема? Потеряешь снова...»

Смотрю в небо. Там кто-то разлил жидкий темный шоколад с кусочками миндаля. Миндаль – это звезды. Вдруг одна из них слетает с неба. Падает прямо в сердце Босфора. Разум мгновенно формулирует желание. Турки говорят, что если звезда с желанием упадет и растворится в Босфоре, то сбудутся «твое желание и желание твоей половинки». Времени нет: звезда приближается к зеркальной глади пролива. Загадываю одно желание на двоих. «Любовь вне разлук». Офф, успел...

Пока наблюдал за звездой, не заметил, как Мирумид подвинулась ко мне. «В Босфор упала звезда... Загадал желание за нас...» Она улыбнулась. Впервые за ночь. «Заметила ее в то же время, что и ты...» – «Да? И какое же желание ты загадала?» Снимает очки. Прислушивается к Босфору. «Это даже не желание... Я просто сказала: „Не отпускай меня...“ Сказала звезде, но подумала о тебе». Снова надела очки. Повернулась к светофору: дыханием сердца меняет сигналы. Сжимаю ее руку в своей ладони и молчу. Бейоглу продолжал греметь, развратничать. На часах уже 04:16. Нам пора...

* * *

...Множу окурочки во всполохах рассвета. Заснула, положив голову на мои ноги. Погрузившись в сон, она будто уменьшается в размерах. Тело съезживается, черты лица мельчают. Хочется закутать ее в себя. Спасти от ураганов воспоминаний, дождей отчаянья. Но я не могу двинуться. Мирумид ограничивает мои движения. Жалко ее будить... Даже в стенах царства Морфея она гордо отказывается от помощи, запираясь на замки одиночества. «Каждый свой крест должен нести сам. Зачем утруждать ближнего? У него свой крест...» Мирумид боится ждать. Может, это и правильно? Когда долго ждешь и в итоге не получаешь ожидаемого, перестаешь верить, а соответственно и надеяться. Может, лучше не всматриваться в горизонты с надеждой увидеть алые паруса?.. Нам есть из чего выбирать. Всегда. Я выбираю – ее. Я выбираю – любовь. Делаю выбор за двоих. Ведь в отчаянии часто не остается сил сделать выбор. В отчаянии хочется, чтобы хоть раз кто-то сделал выбор за тебя... Я делаю выбор за мир.

...Не говорит о себе. Обжигается своими же словами. Я не чувствую тайны или неискренности. Мирумир не хочет возвращаться туда, куда затягивает ее разум, вопреки порывам души. «Монро как-то сказала: „Когда наступают тяжелые дни, думаю: хорошо бы стать уборщицей, чтобы вымести внутреннюю боль...“ Меня, наоборот, тянет в уборщицы в счастливое время. Хочется вычистить из себя разочарования прошлого, страхи перед настоящим. Я боюсь настоящего, так как не знаю, к какому будущему оно приведет...»

Любит смотреть на меня тогда, когда я не смотрю на нее. Когда я бреюсь по утрам, она прислоняется к дверному косяку ванной, внимательно наблюдает за мной. Когда я объясняю официанту наш заказ, она закрывает руками уши, читает по губам мою речь. Когда я отхожу в туалет, протискиваясь сквозь столики зала, она рисует взглядом сердце на моей спине. «Так нахожу в тебе то, что так долго искала. Нет, ты не принц на белом коне. Ты мое настоящее. Реальное, близкое, родное. И неважно, принц ты или король, есть у тебя конь или нет. Важно, что ты здесь. Со мной. И такой свой... Это не пафос, Светусвет. Это то, что всегда хотела произнести в настоящем. У каждой женщины прибережены слова для героя ее настоящего. Счастливого настоящего. Нужно его только дожидаться. Я дождалась»...

Лежим на фиолетовом диване гостиной, смотрим «Don't Bother to Knock»[12 - «Можете не стучать» (англ.). Психологическая драма, 1952 г. Главную роль в ней сыграла Мэрилин Монро.]. Она грызет тыквенные семечки, я пью горячий шоколад из «Старбакса». Она в моей рубашке в сине-белую клетку, я в одних трусах-боксерках. Она запрокинула ноги на спинку дивана, я вытянул свои, положил на синий пуфик. Мирумир называет Мэрилин Монро «неприкаянной чертовкой». «Восхитительная девочка... В ней видели сначала секс, потом – талант... Как-то несправедливо...» Я никогда не был поклонником Нормы Джин. «А по-моему, в ней нет особого таланта. Зато есть отличная попа...» Щипает меня за живот. «Все вы мужики с одного огорода...»

Мирумид встает с дивана, закручивает волосы в узел. Закуривает. «Знаешь, до „Don't Bother to Knock“ я считала Монро пустой актрисой глупых комедий. Но после этой работы взглянула на нее по-другому... По сути, она была несчастной актрисой, так как нехотя играла даже в жизни... Много читала о ней. Нашла в ней нечто, что роднит нас. Я тоже понимаю, что по жизни надо бежать все быстрее. Но у меня тоже не получается – ноги не идут...» Обрывает рассказ, как только он пересекается с ее жизнью. Как всегда...

Отходит к окну. Ставит локти на подоконник, разглядывает проезжающие внизу машины. Замирает, затихает. На мгновение мне кажется, что она исчезла из настоящего. Покинула Стамбул, вернулась в Москву. Зову Мирумид. Не откликается. Страх поднимает меня с дивана. Тихонько подхожу сзади, чтобы не испугать ее. Мои шаги заглушает звук телевизора. Протягиваю ей свой шоколад. «Хочешь? Там еще осталось...» Отрицательно мотнула головой. Морской ветер шевелит упавшую на лоб прядь волос. Сигарета потухла. Не замечает. «...Я бреду на все четыре стороны... Закаленная морозом... Крепкая, как паутина на ветру... Свисающая до земли... Я все еще как-то держусь...» – «Это откуда?» – «Монро написала. Будто про меня, в точку...»

Машины на улице истерично сигналият, столпившись в пробке. Обнимаю Мирумид за плечи, прижимаю к себе. Закрываю окно. «Эй, выше нос. Ты не одна». – «Не грущу, родной. Это другое. Скорее, обычный страх. Страх потерять реальность...» – «Ты ее не потеряешь». – «Может, и не потеряю. Но она рано или поздно сама оборвется... Нужно возвращаться в Москву». Смотрю в ее глаза. «Ты уедешь, чтобы вернуться обратно». Она устремляет взгляд на плачущую в телевизоре Монро. «На „обратно“ труднее всего решиться. Ведь все дороги ведут вперед, а не назад...»

Прикладывает ухо к моей груди. «Послушаю твое сердце...» Улыбаюсь. «Слушай... Могу тебе его подарить». – «Не нужно. Оно и так со мной...»

...Завидует голубям. Их свободе и доверчивости. «Я не в клетке. Я на свободе с подрезанными крыльями. Могу взлететь, но не улететь». Гуляем по площади Таксим в окружении стамбульских голубей. Кружат подле нас, вспархивая крыльями. Греются в весенней теплоте, клюют пшеницу с моих рук. Сегодня в Стамбуле хорошая погода. + 18. Сегодня солнце светит для всех, кроме нее. Трудно согреть сердце, когда оно обморожено болью. «Хочу верить людям, как прежде. Подпускать к себе, не отпускать от себя. Держать руку в руке. Как сейчас. Держать и не думать, что с рассветом наступит расставание».

Покупаем еще пшеницы у улыбчивой старушки. Мирумир садится на корточки, протягивает голубям ладони, полные зерна надежды. Одна из птиц взлетает на ее плечо, касается клювом щеки, словно хочет сказать что-то важное. Любимая застывает, закрыв глаза. Прислушивается к голубю. Неожиданно разжимает пальцы. Зерна рассыпаются по асфальту, удивляя птиц. Золотистые крупички на сером.

Мирумир резко встает, надевает очки, убегает в сторону подземки. Бегу за ней. Ванильные облака над головой проносятся в ускоренном темпе. Лица встречных людей сливаются в один многоцветный размытый образ. Красно-желтый щит «McDonald's» режет глаза. Щеки мерзнут под взволнованным ветром – дыханием Босфора. Машины возмущенно обсигналивают меня, перебегающего дорогу на красный свет. Потерял Мирумир из виду. Апельсиновая беретка затерялась в толпе. Направляюсь к знаку «Istanbul Metrosu». Добегаю. Останавливаюсь, чтобы оглядеться. Где она? Кричать бесполезно – центр Стамбула слишком шумный. Звоню на мобильный, не отвечает. Забегаю в метро. Спускаюсь по лестнице. Она сидит на последней ступеньке, прислонившись боком к стене. Беретка съехала на затылок. Ботинки абрикосового цвета покрылись пылью. Мандариновый лак на ногтях пооблупился. Я не прикасаюсь к ней, не требую объяснений. Просто сажусь рядом, сохраняя между нами расстояние.

Спустя пару минут беру ее руку, подношу холодные пальцы к губам. Целую кракелюры на ногте мизинца. Мимо нас проходят люди с разными судьбами, взглядами, проблемами. Туман чужих мыслей обволакивает нас. Я поворачиваюсь к ней. «Пойдем выпьем гранатового чаю... Как тебе идея?» Шмыгнув носом, соглашается. «Пойдем». Встаем на ноги, медленно поднимаемся вверх. К свежему воздуху. К наступившей весне...

...Страх обмануться, обознаться. Страх завернуть не туда, куда нужно. Страх пройти мимо, потерять, потеряться. Любовь преодолевает любые страхи, кроме страха самой любви. «Иногда начинаю ненавидеть время. Всё и вся оправдывают, излечивают им. Почему невозможно противостоять времени? Почему нельзя жить вне времени? Ладно, не буду занудствовать. Давай лучше чайку попьем...» Яхта разрезает гладкую поверхность Босфора, и по обе стороны от нее, подобно журавлиному клину, пенятся две волны. Весенний ветерок с мятной отдушкой ласкает щеки, треплет волосы. Синева неба манит – хочется обрести крылья, взмыть на то самое седьмое небо, посидеть в кафе со столиками из взбитых облаков. Приумножить наслаждение ванильным латте с рисунком белого лебедя. Мне хочется в небо отважно шагнуть, найти наш с ней путь и остаться там, временами спускаясь на землю. Нам хорошо быть просто вместе. Просто вместе – это когда не думаешь ни о чем, кроме любви...

Заказываю яблочный чай с хрустящими симитами. Чайки встречают прогулочные яхты, кормятся крошками выпечки. Истошно вопят, выражая благодарность щедрым пассажирам. Она смотрит на прожорливых хранительниц Босфора со светлой грустью в глазах. «В какой-то книжке прочла, что чайки – это безграничная идея свободы в жизни...» – «Так и есть. Я, например, в детстве мечтал превратиться в чайку, чтобы улететь подальше от школы...» Прижимается ко мне теснее. Улыбается. «А каким ты был в детстве?» – «Да ничего интересного... Обычным был». – «Не скромничай... Ну расскажи, пожалуйста».

Откусываю симит. Золотистые зернышки кунжута щекотно осыпаются в рукав моей голубой рубашки. Всегда ношу рубашки с засученными рукавами – еще одна глупая привычка. «Ушастиком был, худющим, с белой-белой кожей. У меня мама смуглая. Когда она гуляла со мной, все думали, что Сария-ханым устроилась няней. Никто не верил, что такой белокожий мальчик может родиться у такой истинно восточной женщины. Мало кто знал, что у меня бабушка по папиной линии русская...» Смеется и говорит, что судьба здорово подшутила надо мной. «Кто знал, что ты влюбишься в русскую? Ты получал знаки с детства...» Целует меня в подбородок, встает, берет меня за руку. Ведет к корме яхты. «Знаешь, если бы не Босфор, я бы не справилась со вчерашней грустью. Его воздух наполнен надеждой, которой мне так не хватает...» – «А она у тебя есть. Разве наша любовь – не надежда?» «Это другое... Моя надежда –

это... ммм... Если даже мир исчезнет, мы все равно найдем друг друга... Если даже исчезнут ночи, мы будем светиться звездами в дневное время... Вот такая моя надежда». Яхта прогудела. Приближаемся к берегу...

7

...До Стамбула жила в ожидании. В томительном ожидании стука в дверь. Она курила в приоткрытое окно, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она доставала из духовки сливовый пирог, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она отдавалась нелюбимому мужчине с веснушчатými плечами, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. В дверь стучали. Не те, кого она ждала...

Мирумид продолжала надеяться. Надеяться на то, что появится человек, который прижмет к груди, уверенно скажет: «Собирайся, мы уезжаем». Он скажет, и она, набросив на плечи бархатно-лиловый пиджак, уйдет. За ним, с ним. За судьбой.

Уйдет вопреки планам, обстоятельствам, трезвости разума... Ночами часто просыпалась от того, что ей чудились заветные слова из песни свободы. «Собирайся, мы уезжаем». Всклакивала с кровати, бежала в прихожую, где, кроме спящего рыжего кота и волнующихся сквозняков, никого не было. В итоге Мирумид решила сама отправиться за счастьем. Если счастье не идет к тебе, то ты сам должен пойти навстречу счастью...

Срывает с ног ботильоны с атласными шнурками. Широко размахнувшись, бросает обувь в Босфор. Ярко-малиновая парочка несколько секунд качается на волнах, после чего исчезает в глубинах пролива. «Что ты делаешь?! Не жалко обувь?» Я поднимаю ее на руки, осторожно сажаю на один из камней набережной. Под ноги подстилаю свою ветровку. Сегодня в Стамбуле похолодало. Весна морочит жителей мегаполиса своим непостоянством. «Плевать на ботильоны. Думаю, для сэра Пола Смита это большая честь. Теперь его детище покоится на дне Босфора...»

Сажусь рядом с ней. Закуриваю. Наблюдаю за проплывающим паромом. «А я думаю, Смит не будет в восторге от твоего поступка. Ну, как минимум, из экологических соображений». Улыбаюсь, обнимаю ее. «Да ладно тебе... „Не надо уделять одежде много внимания. Не зацикливайтесь на ней, а то сойдете с ума“. Знаешь, чьи слова?

Да-да, Смита. Считаю, выбросила обувь, чтобы не сойти с ума...» – «Нас уже и без того считают чужаками. Так что боты можно было не выбрасывать» – «А разве это плохо? По-моему, нет ничего хуже, чем быть как все...» Соглашаюсь.

Встаю с камня, надеваю ветровку. Снова поднимаю ее на руки. Такси в двух десятках метров от нас. Мирумид необычайно легка. Будто в ней нет ничего, кроме пудинговой души и морского ветра. Пока добираемся до такси, она дремлет на моем плече. Согреваю Мирумид в объятиях счастья, осознавая, что мне наконец-то удалось поймать ту самую редкую бабочку. Бабочку с крылышками цвета настоящей любви...

* * *

...Весной дождь пахнет надеждой. В нем нет необратимости потерь, как в осадках других времен года. За весенним дождем не хочется наблюдать со стороны, погрузившись в атмосферу домашнего уюта. Под ним хочется жить, любить, надеяться. Считать капли, сбиваясь со счета, ловить их языком, запоминая вкус свежести новой поры. Весенний дождь похож на мятный коктейль с кубиками льда. Коктейль из весны, так напоминающий лето...

Дождь застал нас по дороге домой. Неожиданно забарабанил по крыше такси, призывая выйти из укрытия. Поиграть с ним. Водитель в панике включает «дворники» – за густой завесой небесных слез исчезла дорога. «Полюбила весенний дождь еще в Москве. Для нас, жителей холодного мегаполиса, он много значит. Ведь следом за весенним дождем появляется солнце. А солнце – это пинок под зад приставучим морозам...»

Опускает стекло, высовывает голову, вдыхая дождевую пыль. Прозрачные капли свисают с ее ресниц, падают, разбиваясь на щеках, стекают с подбородка на желтую блузку. Она откидывает со лба намокшую челку, поворачивается ко мне. Счастье плещется в ее глазах. «Есть идея... Как относишься к прогулке под дождем?» Не дожидаясь ответа, прошу остановить машину. Расплачиваюсь с таксистом. Открываю дверь. Выходим из желтой машины прямо посередине дороги.

Находимся в центре Стамбула. Бежим в сторону парка. Наступаем на лужи, отчаянно хохочем, держась за руки. Ее мокрая блузка прилипла к телу, облегая твердые соски. Воротник моей куртки промок, потеряв форму. Нам было наплевать на все и вся. На то, что причин для нашей разлуки больше, чем поводов для того, чтобы остаться вместе. На то, что наша любовь родилась на краю света, а мы встретились наперекор судьбе. На то, что «трамваи не ходят кругами, а только от края до края». Мы задохались от нежности, связывая наши сердца салатовой лентой весеннего счастья. Мы не думали о том, что приготовило для нас завтра и сколько времени отведено нашей love story. Жили мгновением, соблюдая один-единственный закон. Закон желания. Погружались в безумства, не думая о последствиях. Весна – пора безумств, лишь отдавшись которым возможно сполна насладиться счастьем. Пусть и самым мимолетным...

8

...По жизни сводит не концы с концами, а ожидания с надеждами. Убегает от пресной жизни. Каждый ее день расписан надеждами. Каждый ее вдох-выдох – это надежда. «Разве есть альтернатива? Живем во имя оправдания своих надежд...» Мирумир ждет дня, когда вернется в Стамбул навсегда. Синоним ее нынешних надежд – слово forever. «Я вернусь, чтобы похоронить здесь прошлое». Стамбул привык к подобным захоронениям. Не зря его воздух насыщен историей, историями. Стамбул – самый грандиозный многотомник человеческих судеб. «В день, когда расстанусь с болью прошлого, запущу в небо над Босфором воздушного змея с желтым шелковым хвостом. Выпущу душу из клетки обстоятельств...» Мирумир говорит, что заберет кое-кого из прошлого. Частичку себя. И всё. Она знает: для прошлого в настоящем места ограничены.

Спрашиваю, есть ли для меня место в будущем? Промокает белоснежной салфеткой вишневые губы. Кладет голову мне на плечо. С неба сыплется редкий дождик. Собирает капли в ладонь. Смятая салфетка намокает, уменьшаясь в размерах. «Разве мир возможен без света?..»

Забрались на одну из самых высоких точек Стамбула. Вершина азиатского холма Чамлыджа. Здесь проникаемся тихой песней Золотого Рога. Пролив окутан предзакатным туманом. Он усталый. Засыпает рано, чтобы еще раньше воодушевить нас своей утренней красотой. На вершине Чамлыджи хочется молчать. Вытягивать руки вверх, нащупывать пушистые облака. Рисовать на небе мечты, прямо под носом Аллаха. Турки говорят, если встретить рассвет на Чамлыдже, то можно услышать голос «небесного падишаха».

Она срывает сиреневые цветы в зеленой траве, а я думаю о нас. Сможем ли сохранить любовь в настоящем? Сможем ли уберечь чувства от внешних посягательств? Мирумид забирался ко мне на колени, задает вопрос. Ее пальцы пахнут цветочной пылью. «Светусвет, ты никогда не задумывался, почему Бог дал нам одно сердце?» Вглядываюсь в Босфор, получаю от него ответ. Озвучиваю вслух. «Потому что другое он отдал кому-то другому, и каждому из нас предстоит найти его. Найти, полюбить, воссоединиться...»

Дождь усиливается. Укрываемся моей кремовой курткой. Туман рассеивается. А вместе с ним и мои сомнения...

...Один-единственный вопрос ко времени. «Что будет дальше?» В нем нет страха перед завтрашним днем или шквальными ветрами отчаянья. В нем нет желания заглянуть в книгу будущего или изменить неизменное. В вопросе Мирумид нет ничего, кроме надежды. Надежды на то, что у истории настоящего будет продолжение в будущем. Надежды на то, что соль Босфора по-прежнему будет сладкой, а чайки над проливом так же радостно будут встречать рассветы.

На улице почти не снимает очки. «Солнце не должно увидеть отчаяние в моих глазах. Живущее во мне независимо от меня. Оно живет рядом с мыслью о том,

что скоро возвращаться в Москву...» Там, в не верящем слезам городе, будет жить снами. Жить – во снах, существовать – в реальности. «Знаешь, в детстве я рисовала свои сны. Ложилась в кровать, укрывалась мягким одеялом и начинала рисовать. Рисовала мыслями что-нибудь красивое. Как только рисунок был готов, засыпала. И мне снилось то, что я придумала... Вне Стамбула буду рисовать вас». Дарю ей наволочку с рисунком счастливого настоящего. Рассвет в Стамбуле, контуры минаретов, силуэты первых чаек. «Обещай, что будешь засыпать на ней». – «Обещаю»...

Шербетные волны Босфора омывают сердечные раны Мирумир. «В Москве мучает боль искаленного сердца. Оно ноет по утрам, изводит по ночам. Если бы не сигареты и надежды, не выжила бы...» Ежедневно приходим к Босфору. Реабилитационный курс для измученного сердца. Босфорский эликсир – лучшее лекарство от синдрома Прошлого. «...Мне хорошо здесь. Рядом с тобой, Босфором. Но даже сейчас, из счастья, я ругаю себя за то, что заражаю любимого своей болью. Зачем тебя мучаю? Если ты уйдешь, не буду просить вернуться... Я, наверное, просто... пойду за тобой. Стану твоей тенью. Молчаливой тенью с отчаянными глазами... Не смогу без тебя». Провожу пальцами по ее волосам. Слегка волнистым, нежно-прохладным в морском ветре, пахнущим красными фиалками. «А я уже не могу без тебя. Не нужно становиться тенью. Просто будь рядом, как сейчас...»

9

...Перестала извиняться перед гордостью. Еще в тот день, когда поняла, что любовь дополняется чем угодно, кроме гордости. «Нет, она не помеха. Она... она... ну как таблетка от головной боли. Избавляет от мучительного спазма, но при этом сотрясает печень». Невзлюбила гордость за категоричность: в нее сложно вплести согласие. «Она прорастает не из сердца, а из разума. Сорняк, который невозможно вырвать из земли... Отравитель безудержности чувств».

У Мирумир с гордостью старые счеты. Когда-то из-за нее ушла оттуда, откуда уходить не хотела. «От многого отступилась. Многое отрубила. Я ненавижу гордость за то, что по ее велению ушла от любви... Конечно, со временем остыла. Простила чертовку, отлучив от разума. Теперь слушаю сердце. Говорят,

большинство ошибок мы совершаем на поводу у соблазнов сердца. Наплевать. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Мирумид сидит на подоконнике, забавно раскорячив ноги. Красит ногти лаком черничного цвета. Въедливый запах. Разбросанные по полу ватные закладки. Тлеющая в пепельнице-ракушке сигарета. Всегда красит ногти после секса. Одна из ее женских привычек.

Я лежу на кровати, положив под голову сложенное одеяло вместо подушки. Оно чуть влажное – пропитано потом нашей страсти. Наблюдаю за ней, сосредоточенно наносящей лак на мизинец левой ноги и одновременно рассказывающей о себе. Мирумид медленно расцветает передо мной. Чем больше узнаю, тем больше влюбляюсь.

«Когда заглянула в твои глаза, мое сердце очнулось после клинической смерти. Я серьезно, Светусвет. Конечно, могла попроситься с тобой, так и не познакомившись. Гордость, паршивка, так и советовала. А я, назло ей, взяла и ответно улыбнулась тебе. Помнишь? Такой идиотской улыбкой... Ты – моя самая большая победа над гордостью». Отключаю мобильный, закидываю трубку в тумбочку. «Детка, слишком многое сваливаешь на нее. По-моему, гордость часто обвиняют те, кому не хватает смелости...»

Закручивает колпачок пузырька с лаком. Машет руками в воздухе – начался процесс сушки. Через минуту заливает дымящиеся окурки остатками колы. Стягивает волосы резинкой, снимает трусики, запрыгивает ко мне в постель. «...Может быть, я и самая трусливая трусиха в мире... Но я горжусь собой. Честно. Знаешь, за что? Мне хватило смелости полюбить тебя». Провожу руками по ее талии, слегка приподнимаю любимое тело, целую в ложбинку между грудями... За окном вечереет. Снова послышался дождь. Дождливая весна к жаркому лету?..

* * *

...На часах 3:41. Нахожу Мирумид на балконе. Светло-розовая пижама бледным пятном выделяется на фоне ночи. Разбушевавшийся ветер сдул звезды с неба. От шума беспокойных волн Босфора закладывает уши. Она держится за перила –

щурится под шквалом. Порывисто затягивается сигаретой, чтобы та не потухла. На ближайшие два дня синоптики наслали прохладно-ветреную погоду. Услышав пессимистичный метеопрогноз, я расстроился, она – обрадовалась. «Соскучилась по ветру. В Москву он не так часто является... Знаешь, с ветром интересно болтать. Рассказывает увлекательные истории самых дальних стран. Кто знает, может, и нашу love story поведаст отчаявшимся на другом конце земли...»

Говорит, что услышать ветер можно ночью. Когда город затихает. «Ветер распаивает душу, лишь оставаясь наедине с тобой. Без свидетелей. Хранитель слишком больших тайн...» Уже вторую ночь выходит по ночам на балкон, чтобы поприветствовать ветер. Прислушивается к его дыханию, прикасается подушечками пальцев к волнистым потокам. Мирумир давно дружит с ветром. «Когда я была маленькой, помню, мечтала путешествовать по миру на крыльях ветра. Захотелось в какую-либо страну, ухватился за краешек его плаща, и он легко доставит туда...»

Сейчас Мирумир ждет ветер с другой целью. «Выветривает боль. Не веришь? Это действительно так. Вдыхаю ветер и чувствую, как он, собрав из нутра темную гущу, вылетает наружу. Легчает. А думаешь, для чего я курю? Своего рода имитация ветра...» В душе любимой живут две мечты, связанные с ветром. «Мечтаю всегда быть рядом с ним... Когда-нибудь поселюсь в доме на набережной. Ветер с Босфора самый чувственный из существующих ветров... А еще мечтаю построить домик на побережье Ирландии. Там скорость ветра достигает 50 километров в час. Домик будет стоять на возвышающемся над морем утесе. Такой простенький, с белыми стенами, сланцевой крышей. И картин в нем вешать не буду. Виды из окон лучше любых картин...»

Подхожу ближе. Обнимаю ее. Замерзшую, хрупкую и такую свою. «Мечта о жилье у Босфора исполнена. Сейчас находимся в стенах этой мечты. Осталось дом в Ирландии построить. Надеюсь, у нас еще есть время?» Смеется. «Милый, у мечты нет срока годности». – «Отлично. Тогда давай спать, а о недвижимости в Ирландии подумает завтра. Идет?» – «Идет». Уходим с балкона, заперев стеклянную дверь, в которую нам на прощанье машет ветер с Босфора...

...Лежим на пурпурно-фиолетовом ковре из опавших цветков рододендрона. Мягкий настил с чуть сладковатым ароматом. Зачерпываем с земли соцветия, посыпаем ими друг друга, наполняясь природной нежностью. Разглядываем взлохмаченные облака на ясно-голубом небе. Застыли в причудливости контуров, вытянув за собой сизые хвосты. Складываем взглядами пазл из облаков, гадая, какой в итоге получится рисунок. В одном уверены – в нем будут все оттенки счастья...

Весеннее счастье иное на вкус. Меньше крема мимолетности, больше густых сливок вечности. И в пышном бисквите чувств много солнца. «Как тебе удалось разыскать в Стамбуле рододендроновые кустарники? Вроде здешнее лето для них слишком суровое...» Достаяю из рюкзака холодный айсти. Протягиваю ей запотевшую бутылку. Сам наслаждаюсь «Эфесом». Пивная лавина заполняет пустой желудок. Скоро пойдем обедать в рыбный ресторанчик. «Неважно. Главное, мы здесь. Счастливы здесь и сейчас... Если бы вокруг не было людей, поверь, мы не облака считали бы, а занялись кое-чем более приятным...» Поперхнулась от накотившего смеха. Капли айсти стекают по подбородку. Подвигаюсь ближе. Слизываю холодные разводы с теплой кожи. Целую в ямочки бледно-розовых щек. На ней нет косметики. Естественность невероятно привлекает. «Эй, вулкан темперамента, не забывайся, мы не дома...» Привстала, взяла влажную салфетку. Вытирает лицо. Затем мое тоже. «Восток, без сомнений, меняет меня... Раньше думала, что способна на секс не больше одного раза в день... С тобой я другая». – «Более страстная?» Снова ложится, вглядывается в небо. «Нет, более настоящая... Неудержимая в любви».

Срываю с куста соцветие, кладу на ее грудь. Награждает чувственным поцелуем, который турки называют dudaktan kalbe[13 - От губ к сердцу (турец.)]. «...Знаешь, как у большинства женщин? До какого-то времени ждем мужчину, образ которого создаем в грезах. Затем, не дождавшись, начинаем лепить половинку из того, что имеем. А потом влюбляемся в то, что слепили. Связываем чувства в тугие узелки во имя личного счастья. Однако часто мнимая ложь так и остается ложью. А иногда, если повезет, оборачивается красивой правдой... Я никогда не пыталась слепить что-то. Доверялась судьбе. Ждала настоящего счастья. И наконец получила его. Получила, а теперь боюсь... потерять...»

Легонько притягиваю Мирумид к себе. «А ты держись за меня крепче и не бойся... Договорились?» Перебирает пальцами мои волосы. «Договорились». Цветы с кустов продолжают осыпаться под ленивым ветерком. Зажмуриваем глаза, прислушиваясь к биению наших сердец...

* * *

... В спешке отпираем дверь, с нетерпением ожидая щелчка, означающего свободу. Вваливаемся в прихожую, слившись в поцелуе. Ненасытные, горячие, бесшабашные. Мои руки проникают под ее блузку, обхватываю ладонями груди. Горячее дыхание Мирумид распаляет, пробуждая настоящую восточную страсть. Стаскиваю с любимой одежду, наваливаюсь, прижимая ее к стене. Опускаюсь на колени. Теплая ладонь прокладывает путь от ее изогнутой шеи к мягкому животу. Запрокидывает голову, распуская волосы: русые волны рассыпаются по плечам. Ее тело перестает биться взволнованной дрожью и расцветает в моих объятиях. Спешим слиться в единое. Будто время ускользает из наших рук, и мы торопимся посадить в почве неминуемой грусти цветы наших поцелуев. Сдерживаюсь. Сжимаю тугую пружину. Попытка запечатлеть в сознании то, что уходит, чтобы снова вернуться. Обхватывает ногами, сплетает руки на моем затылке. Заглядывает в глаза, в самую глубь: «Не отпускай меня... никогда, слышишь, никогда...» Отвечаю поцелуем...

...Рассматривает меня, обнаженного, пока я ищу заброшенные куда-то джинсы. Чувствую, как взгляд скользит по моим плечам, спине, останавливаясь на самой мягкой части тела. «Слушай, а у тебя потрясающая родинка на попе... От кого досталась? Я где-то вычитала, что родинка на правой ягодице мужчины говорит о его влюбчивости». Вместо брюк нахожу боксеры, непонятным образом оказавшиеся на самом верху двери в ванную. «Не знаю, от кого получил такое наследство. Но одно знаю точно, я совсем не влюбчивый. Если полюбил кого, то сильно и надолго...» Она, ухмыльнувшись, кидает в меня сливой. Успеваю поймать. Отправляю в рот. «Так я и поверила. Не влюбчивые Рыбы – это нонсенс, ашкым[14 - Любимый (турец.)]....» Меняю тему. «Может, подкрепимся? Сегодня завтрак беру на себя». – «О'кей... А я займусь кофе». Спрыгивает с кровати, набрасывает на себя халат грейпфрутового цвета. Убегает на кухню, предварительно ущипнув меня за зад. Страсть укрепляет иммунитет любви. Точно сказано...

...Любовь тети Фериде окрашена в цвет печали. Именно печали, а не грусти. Разграничивает четко: «От грусти до отчаяния – один шаг. А я никогда не впадала в отчаяние. Теряла любимых людей, убегала от прошлого, оказывалась на дне жизни, но... Всегда вставала, шла вперед. Нет, не назло врагам. Слишком много чести для них. Я просто понимала, что если сама не подниму себя, то меня никто не поднимет. Как видишь, до сих пор стою на своих двух. Хоть и ревматизм грозит списать меня на свалку...»

У нее астма, а она до сих пор курит. У нее повышенный холестерин, а она продолжает готовить на сливочном масле. У нее разбитое сердце, а она все еще верит в любовь. «На мне сотни грехов, а я никак не сдружусь с Аллахом. Ну что могу поделать, если умудряюсь проспять три ежедневные молитвы из пяти?» Живет в маленькой «двушке» на окраине азиатского Стамбула. Стены квартиры выкрасила в ультрамариновый цвет, повсюду развесила афиши старых турецких фильмов в фиолетовых рамках. Поклонница ретро-кино, t?rk sanat m?zigi[15 - Турецкая народная музыка (турец.)], проникновенных песен Зеки Мурен[16 - Знаменитый певец Турции.]. Курит много и с удовольствием: «Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в невинных шалостях. По-моему, умереть от чужой сигареты, не выкурив за свою жизнь ни одной, – верх идиотизма... Да и не такая я молоденькая, чтобы отказываться от вредных привычек. В моем возрасте привычки давно стали чертами характера».

У тейзе[17 - Тетя (турец.)] невероятно чувствительные руки, смелые глаза, выдающийся нос. Всевышний не наградил ее сказочной красотой, зато наделил такой щедрой порцией обаяния, что она искупила все скульптурные огрехи. Серые волосы Фериде не красит восьмой год: держит траур по покойному мужу. «В далекой молодости все, кто меня любил, не нравились мне, а кого я любила – не любили меня. Но Кадир все изменил. Полюбили друг друга в одно мгновение и хранили нашу любовь все сорок лет совместной жизни...» Тетя Фериде всегда поддерживала меня. Даже тогда, когда все отворачивались. «G?z?m?n i?i[18 - Свет моих очей (турец.)], я доверяла и доверяю твоему сердцу. Ты на правильном пути... Борись за любовь». Она изъявила желание познакомиться с Мирумир. Пригласила нас на ужин. «Постараюсь удивить русскую гостью... Назавтра закажу у мясника Ильхана свежую телячью печенку – приготовлю по

старинному османскому рецепту...»

Встретив Мирумид, расцеловывает ее по-турецки в обе щеки, называет kızım[19 - Дочь (турец.)], предлагает «посплетничать за сигареткой, пока племянник нальет нам по бокалу вишневого вина». За двумя моими любимыми женщинами на балкон убегает красотка Багира. Пушистая дворняга с короткими лапками, которую тетя подобрала на улице. Именно ею и своим детским хором сегодня живет Фериде. «Багира сразу полезла целоваться к твоей девушке. Поверь мне, малыш, лучшего детектора на хорошего человека еще не придумано... Она милая, душевная и настоящая. Но у нее так много грусти в глазах...» Наевшись печенки в сумаковом соусе[20 - Сумак – красновато-бордовая приправа с кислым вкусом.], Мирумид отказывается от десерта. И тем самым допускает ошибку! От яств тетушки строго-настрого запрещено отказываться. «Такую отменную баклаву испекла. Никаких „не могу“! Это тебе не та гадость, что турки впаривают туристам. В моей баклаве есть душа... Тебе кофе с сахаром?» Тетушка берется погадать Мирумид: «...много слез выплакала. Вот, смотри, гуща прямо съежилась... Большую трагедию пережила. Женскую... Что-то новое начинается в твоей жизни... Но будет новое испытание... Если выстоишь, получишь счастье».

Выслушав тетушку, Мирумид ничего не говорит. Встает из-за стола со словами: «Извините, я выйду покурить». Фериде понимающе кивает головой. Останавливает меня в попытке пойти за ней. «Дай время... Оно вылечит. Медленно. Сначала грусть заживет, превратится в печаль. Вместе с печалью появится и вера. С помощью Аллаха...» Сажусь на место. Допиваю кофе. Я не верю в предсказания. Я верю в силу любви...

12

...Ее пугают пустые остановки, взгляды луны, дороги без машин. «Вечный страх выпасть из ритма. Думаю, у всех нас, детей Москвы, есть такая боязнь. Изнуряющая мысль о том, что пропускаешь что-то важное. Чисто на интуитивном уровне...» Никогда не сбегала от мегаполисов. Если прячется, то тоже в них. В каком-нибудь потайном уголке, где висит бабушкино пальто с песцовым воротником и пахнет минувшей осенью. Там исчезают страхи. Чаще всего взрослые прячутся в детстве. От себя, от обстоятельств, правд и неправд.

Ныряют в светлую пору, когда умели прощать себя, верили в жар-птиц, доставали звезды с неба, засыпали и просыпались с надеждой. «Помнишь фразу из „Часов“? „Я выбираю не удушливую анестезию провинции, а жесткий ритм большого города“. Мой выбор аналогичен. Боюсь в глуши услышать крики прошлого. Не прячу голову в песок. Наверное... Навер... Не знаю... Наверное, просто пытаюсь выжить».

Вкладывает бумаги с отчаянием в белый конверт настоящего. На нем пишет: «Не вникать». «Любимая фраза бабушки. До сих пор в ушах ее категоричная интонация... Я была в детстве жутко сентиментальной. Могла разрыдаться даже от таяния снега. Мне казалось, превращаясь в воду, он плачет. Помню, бабуля обнимала меня, зареванную, со словами: „Солнышко, не вникай“. И когда я выросла, она продолжала говорить мне это. Бабушка не была бездушной. Учила выживать... Сейчас, если отчаяние пытается затянуть меня, я повторяю: „Не вникай“. Как молитву. Отпускает...»

Вспоминая о детстве, всегда плачет. «В России есть такой мультфильм „Умка“. Про белого медвежонка... Каждый раз смотрю его и плачу... Там такая красивая колыбельная звучит... И всю ночь соседи... звездные медведи... светят дальним кораблям...» Наливаю себе мандариновый чай, придвигаю табурет. Сажусь ближе к Мирумир. «Правильно говорят, в каждом взрослом живет ребенок...» – «Так и есть. Я до сих пор та самая худышка с длиннющими косичками, которые таскала всех дворняжек домой... Детство – это то, что мы потеряли во времени, но сохранили в себе»...

* * *

...По мере взросления коллекция наших масок пополняется. К зрелому возрасту можно с легкостью открывать экспозицию «Лица одного лица». Мирумир любит детство за то, что на его сцене нет необходимости играть. В детстве обижаемся, кричим, отворачиваемся, восторгаемся. Все что угодно, кроме игры. Естественность с ограниченным сроком пользования. «Надевать маску – это не значит проявлять неискренность. Маски стали требованием времени...»

Запивает миндальные маффины клубничным латте, мысленно листая альбом детства. Обложила диванными подушками, скрестив ноги по-турецки. «Знаешь, что важно взять из детства во взрослую жизнь? Мечту. И постараться, чтобы у этой мечты не выцвели глаза...» Спрашиваю у нее, может ли любовь быть мечтой? «Наверное, нет. Любовь стучится в дверь каждого рано или поздно. По-моему, важнее отвоевать любовь у гордости и сохранить ее...»

В розовых переулках юности Мирумид уважала любовь, но считала это чувство преходящим. «У нашего поколения девочек любовь удостаивалась эпизодической роли. Она рождалась либо на шелковом дне кошечек, либо в парках провинциальных районов. Нет, мы не были циничными сучками, которые ставили сумочку „Dior“ выше чувств. На карту Москвы мы ставили другие ценности. Считали, что добежать до любви еще успеем. Тогда для нас актуальнее была „успешность“. И знаешь, что самое смешное? Под этим словом не подразумевались карьерный рост и светский статус. Нечто другое. Некое совершенство, что ли... Да и не важно уже. Все равно каждая из нас поняла, что успешность – это и есть личное счастье».

Добавляет громкость у телевизора. Вслушивается в прогноз погоды. Завтра обещают солнце. «...Каждый раз слушаю метеопрогноз, и в голове вертится один вопрос: „Может, день счастья – завтра?“» Выхватываю из ее рук пульт, нажимаю кнопку «mute». «Минутку... Разве ты не счастлива?» Застегивает куртку пижамы на все пуговицы. «Счастлива... Но то счастье, которого я жду, безоблачное... Я хочу, чтобы у нашего счастья все завтра, послезавтра были счастливыми. Я хочу, чтобы у нашего счастья не было метеозависимости. Чтобы все было в наших руках, а не в руках чертовых обстоятельств...» Крепко обнимаю ее. «Я тебя не отпущу в Москву». Закрывает глаза. «Не отпускай... ради бога...»

...Обжаривает зеленые помидоры в семенах кардамона, нанизывая на нить повествования истории из своей жизни. Мирумид говорит, что не время изменило ее, а она изменила себя. Переключила скорость, включив сердце. Затягивается сигаретой. Не успевает дотянуться до пепельницы, и столбик

пепла срывается в сковороду. «Скучаю по Москве. Не знаю, конкретно по кому, по чему. Родина? Родные? Нет... Там берут начало корни моего отчаяния. Вот какая сердцевина у тоски». Сетует на дурную привычку: постоянно сравнивает прошлое с настоящим. Взвешивает количество минусов и плюсов.

Непроизвольно. Будто хочет оправдать нынешние поступки. Раньше такой не была. Раньше было чувство неоправданной безнадежности. Раньше не было чувства вины, как сейчас. Перед кем виновата? Перед собой. Слишком много времени ушло на иллюзии.

«...Наше поколение девочек встречало, провожало дни с отключенным сердцем. Мы не боялись чувствовать. Мы боялись, что оно будет покалечено временем. Временем, когда сложно было стать лучшим среди равных. Мы были рождены летать, но доступ к небу был закрыт. И не важно было, принадлежишь ли ты к категории high class, носишь ли обувь от Prada и отдыхаешь ли в Сен-Тропе. Все равно. Тогда мы покоряли земное пространство, получая возможность лишь прикоснуться к небу, да и то в железных оболочках самолетов. Странное было время. Тогда Москве было не лень производить впечатление. Это сейчас Москва пресытилась шиком. Гламур наконец-таки становится образом жизни, а не бабским оружием для сведения счетов...»

Посыпает жареные помидоры мелко нарезанной петрушкой, сбрызнутой лимонным соком. Убавляет газ, закрывает сковороду крышкой. Блюдо должно полчаса потомиться. Пора заняться гарниром – рисом. За ночь до готовки замачиваем его в подсоленной воде. Протягиваю ей дуршлаг. «Ты говоришь о своем поколении... Почему в нем так много марок, роскоши? Неужели туфли от какой-то „Прады“ так много значили?»

Засыпает рис в кипящую воду. Морщится над горячим паром. «Знаешь, забавно получается. Рассуждения о гламуре у плиты... Нет, ашкым, это не моя пафосность. Для тогдашней Москвы, особенно для ее next-поколения, бренды имели безумную актуальность. Как раз заканчивалась пора „новых русских“, забывалась инфляция, начинался расцвет хоть и слишком вычурной, но буржуазности. Москве хотелось своей „Студии 54“. И мы тогда, помню, жадно листали зарубежные „Воги“ и „Базары“, учились правильно произносить имена знаменитых марок. И мы тогда, поверь, не задумывались, подходит это нам и нужно ли это нам. Мы жили в Москве, Москвою, не подпуская жизнь близко к сердцу. По-другому, наверняка, можно было жить, но мы не могли или, скорее,

не хотели. Амбиции юности, лишённые права на ожидание...»

Я задумываюсь, выкуриваю третью сигарету. Закрываю форточку. Вылавливаю вопрос из потока мыслей. «Разве не бывает чего-то вечного?» – «Наверное... Наверное, нет, ашкым...» – «То есть?..» – «Мы сами вечные. Каждый по-своему...» – «Соглашусь... хотя...» – «...хотя вот любовь не подчиняется времени. Она ведь в нас, внутри, а значит, может остаться с нами в вечности». Собирает пенку с кипящего риса. Шумит вытяжка. Скоро ужин...

14

... С радостью встречает ночи. Распахивает окна гостиной, впускает в дом шаловливый ветерок, затевающий игру с лиловыми гардинами. Сумасшедший гомон мегаполиса стих. Звучит колыбельная Золотого Рога. С приближением ночи заваривает последний кофе уходящего дня. С корицей. Я назвал его «кофе с ароматом женщины». Вчера на Египетском базаре купили полкило палочек корицы. Всё сегодняшнее утро Мирумид усердно молола их, пересыпая ароматный порошок в матерчатый мешочек. В этом мешочке поселилась моя надежда. Корицы должно хватить еще на много вечеров. Значит, Мирумид связывает будущее с нашим настоящим. Не уйдет...

Разливает кофе по керамическим чашкам с рисунком цветов кофейного дерева. Изящные бело-кремовые грозди, с желтыми на кончиках усиками. Именно из этих красавиц рождаются вожаделенные ягоды – завоевательницы человеческих сердец... Добавляет в кофе побольше корицы. Снимает утомление, пробуждает страсть. «Моя прабабушка, этническая полячка, готовила такой кофе. Его аромат, разливающийся каждый вечер по дому, вспышка из детства... И сейчас вижу ее у плиты. Она собирала седые волосы костяным гребнем, отливала алые петушки леденцов, приучала читать по одному рассказу Чехова перед сном... У меня опять приступ ностальгии... Лучше кофе пей, остывает».

Садится рядом. Кладет между нами корзиночку с гранатовым лукумом. В комнате тишина. Телевизор отключен, соседи сверху уgomонились, на улице простыли звуки. Только колыбельная Золотого Рога, дыхание Босфора и шепот звезд над ним... «Не правда ли, она потрясающая...» Откусываю лукум. Сладость жжет горло. «Кто именно?..» Отпивает кофе. «Ну, ночь... В ней столько шарма, силы...» – «По мне, так день лучше...». Смеется. «Ну не зря назвался Светусветом... Как думаешь, за что люблю ночь?» – «...?» – «Ночь связывает нас с утром. А утро – новый день, новый вдох, новые надежды...» Допиваю кофе, ставлю чашку на стол. «Ой, любимый, у тебя кофейные усы появились...» Мирумид тянется ко мне, захватывает поцелуем кофейные штрихи в уголках моих губ. Ночь нежна...

* * *

...Спрятаться от себя невозможно. Бежать куда-либо бессмысленно. Все равно боль вернет обратно. Вернет туда, где начинаются следы безнадежности. Время примиряет с собой. Встает перед тобой зеркалом, заживляя в отражении шрамы сердца. Смотришь на себя и, сквозь паутину отчаяния, понимаешь, что хочешь идти дальше. Жить, верить, снова ждать. Улыбаться кудрявым облакам, объедаться вишневым мороженым, чувствовать щекотку пузырьков в носу от выпитой газировки, целовать мерцающие под луной губы. Ни одна боль не способна отвернуть человека от жизни. К любой запертой двери найдутся ключи, которыми ее можно отпереть... Не раз убегала из Москвы. Ее не преследовали, не изгоняли. Она сама уносилась в неизвестность, смывая слезами обратный путь. Возвращалась. Спустия время. Дороги назад уже были заново отстроены поутихшими эмоциями.

«Все-таки родина – хитрюга редкостная. Удерживает мыслью, что „здесь – ты свой“. Самообман. Родина – это место, где хочется остановить время, а не ускорить его... В Москве хотела ускорить ход стрелок часов. Спешила узнать, к чему я приду в итоге. Всячески успокаивала себя. „Мирумид, потерпи! Очередная черная полоса...“ Знаешь, что поняла? Жалуются на черную полосу те, кому не хватает смелости переокрасить ее в белую... Три года маялась, не могла взять кисть в руки. И вот наконец-то получилось переокрасить нутро. Ты – светлый оттенок моей жизни...»

Жесткость Москвы терзала мягкое сердце Мирумир. Она принимала ритм мегаполиса, отторгала его жестокий фон. «Кто-то скажет, что жесткость и жестокость не могут существовать отдельно в контексте big city. Я не согласна. Почему в коктейле „Мегаполис“ больше горькой водки сложностей, а не приятного ликера душевности?! Пусть будет хотя бы поровну...» Часто видит во сне не верящий слезам город. Видит Поклонку, Москву-реку, Воробьевы горы. Видит картинки из беззаботного детства, окрыляющей юности. Но все сны о Москве почему-то черно-белые. «Я не скучаю. Я просто еще не разобралась с прошлым...»

15

...Жизнь для Мирумир – одно сплошное ожидание. Гложущее ожидание одного-единственного поезда с длинной чередой вагонов. Маршрут один, меняются остановки. Всего три станции: «Прошое», «Настоящее» и «Будущее». В руках билет на неопределенный срок, в мыслях – сумбур сомнений, в сердце – бутоны надежды. Чаше они расцветают, а порой – увядают. Как повезет. Человеческие судьбы подвластны Случаю. Кто-то сказал, что Случай – это псевдоним Бога, когда он не желает подписываться своим именем...

Она вечно чего-то ждет. Не от людей. От Судьбы. «Бабушка в детстве называла меня Ожидалкиной. Сколько себя помню, всегда с тоскою смотрела на окружающий мир. Будто что-то должна получить от него. Бабуля рассказывала, что во время прогулок в парке, если кого-то звали при мне, я первой оборачивалась, хоть и звучало не мое имя. Я наблюдала за детьми, которые играли со своими отцами. Так хотелось подойти к ним, попросить: „Можно мне с вами?“ Однажды сказала об этом бабушке, она жутко возмутилась: „Ну-ка, не дури! Мать у тебя уважаемый человек в районе. Опозоришь ее...“ Приходилось порывы прятать в себе. Но если кто-то из мальчишек в парке пропускал мяч, я быстрее бежала за ним. Хватала, приносила отцам этих детей. Те щипали меня за щечку, благодарили: „Спасибо, умница“. Была Ожидалкиной и этого было достаточно...»

Мирумид возвращается в собственное детство. Теревит пальцами прядь волос, прячет глаза. «Таких историй, как моя, миллионы по России. У нас в классе пятнадцать из двадцати ребят росли без отцов. Тогда это даже объединяло. Создавалось некое движение, must have того времени. Если у тебя нет отца, значит, ты один из нас. Глупцами были. Прикидывались пофигистами, хотя внутри мы все были Ожидалкиными... Брошенные дети всегда ждут ушедших отцов».

Наливает себе чай, добавляет три кусочка сахара. Перемешивает. «...Знаешь, какое слово я никогда не произносила? Папа. Некому было сказать. Вот сегодня произнесла впервые, и то не по адресу. В присутствии мамы, бабушки, друзей говорила исключительно „отец“. Свысока, с показным цинизмом, мол, ни в ком не нуждаюсь. А сама ждала. Перебиралась с одной станции на другую. Ни на „Прошлой“, ни на „Настоящей“ папы не было. Веришь, Светусвет, я все еще жду папу на „Будущей“...» Задумываюсь над словами Мирумид, понимаю, что мне нечего добавить. Я не знаю, что такое жить без отца. Я никогда не был Ожидалкиным...

Передвигает пальцем крошки от тостов на кухонном столе. Задумывается. «...Девочкам, растущим без отца, сложнее, чем мальчикам. Хотя и говорят, что мужчине важнее мужское воспитание. Девочки в ситуации безотцовщины лишены героя. Отсутствует образ, который стал бы ориентиром во взрослой жизни. Поэтому в личную жизнь мы приходим слепыми котятками. Способны верить, но не способны доверять. Бросаемся из крайности в крайность, с шеи на шею. Набиваем шишки в поисках замены тому, чего лишены с рождения... Мама была известным адвокатом. Хорошо зарабатывала, ни в чем не отказывала единственной дочери. Купила мне Барби. Я любила куклу и завидовала ей. У нее-то наверняка был папа...»

Допивает остатки чая из кружки. «С годами сумела абстрагироваться. Переварить врожденные потери. Но все равно чувство несправедливого унижения саднит изнутри... Я не пыталась искать отца. Мать сказала, что он погиб. Не верю. Женщинам легче похоронить мужчин, которые ушли, оставив след в их жизнях». Она встает со стула, подходит к раковине. Открывает воду, чтобы вымыть кружки...

...«Счастье не за горами» – белая надпись на ее оранжевой майке. Тщательно счищает кожуру с красного яблока, прикусив кончик языка. Признается, что часто злится на жизнь, но никогда от нее не отказывается. Даже оказавшись на дне колодца отчаяния, ищет во тьме луч света. Люди, называющие себя слабыми, в сущности самые сильные. «Я по жизни такая. Смех сквозь слезы... Невозможно быть постоянно счастливой – но зато одной мимолетной вспышки счастья может хватить надолго. Люди собственно и живут в ожидании подобных вспышек... А боль? Соль слез лечит».

Разрезает яблоко, вычищает сердцевину. Одну половину отдает мне, другую оставляет себе. Я не хочу отделяться от любимой даже в таких мелочах: вынимаю из руки Мирумир часть ее яблока. Две разделенные дольки снова соединяются. «Не будем делить чувства на твои, мои... Останемся одним целым». Мирумир прокалывает светло-желтое тело фрукта зубочисткой – теперь половинки крепче закреплены. «Вечно боюсь, что любую связь разорвет кто-то из двоих. Причинить нам самую страшную боль сможет тот, кто подарил больше всего счастья...»

Закуриваю. Последняя сигарета в пачке. «Мы не станем брать друг с друга обещаний. Давай будем вместе. Просто вместе... В любви не нужно кому-то что-либо доказывать. В любви все всегда заново, для двоих...» Опускает глаза: «Я вот думаю... Моя неуверенность здорово мешает нам... Ты делаешь шаг вперед, а я назад. Если бы ты не держал меня за руку, давно отстала бы. Не способна сделать нашу любовь сильнее...» Она отпивает молочно-клубничного коктейля с шапочкой взбитых сливок. Итальянцы утверждают, что клубника вдохновляет любовь. «Милая, не надо думать, искать, рассматривать... Просто люби. Этого достаточно». Берет мою руку. Целует в ямочку ладони. «Обещаю, Светусвет». Спутник веры – теплота прикосновений...

* * *

...«Я не люблю писать писем, в них есть какая-то обреченность. Поэтому не считай эти строки письмом. Это всего лишь не раз озвученное признание, которое мне захотелось переложить на бумагу. Чернилами настоящего. Я не одарена талантом складывать вместе красивые слова. Я всего лишь одна из влюбленных женщин, и снова хочу сказать: люблю тебя... Ты был прав, настоящая любовь невозможна без страхов. Они учат любящих дорожить друг другом, крепче завязывать узлы. Любовь не дает возможности отложить завтра на послезавтра, растягивая счастье...

Я боюсь. Боюсь потерять, упустить, пропустить. Не могу иначе. Пусть наши сегодня провожают нас в завтра... Если когда-нибудь мы потеряемся в переулках времени, найди это листок. Перечитай. Он станет твоим указателем. Найди меня, если даже попрошу не искать. Отыщи, взгляни в глаза, не слушая слов. Слова зачастую не от сердца – от ума. Доверяй только глазам, отражающим душу...

Помнишь наши первые свидания? Тогда эти отношения казались нам безнадежными. На тот момент они были возможны только в настоящем времени. Сейчас верим в будущее. Нам остается набраться сил, чтобы шагнуть на его территорию... Перечитываю написанное. Правильно говорят: любовь пробуждает в нас неизвестное. Оказывается, я могу выразить свои чувства словами. Но все это – притекающее, утекающее. Самое важное – любовь. То, что вдохновляет жить... Я люблю тебя. Ты – мой свет. Маяк, ведущий к счастью. До будущего осталось совсем чуть-чуть – рукой подать. Так что держи меня крепче, держи мой мир в своей ладони, не отпускай... Даю слово, я буду верить, а значит, и идти навстречу свету... И сейчас, дописав, я пойду к тебе. Точнее, вернусь к тебе... Люблю.

М.»

...Родилась с бунтом внутри. Акушерка шлепала ее по спинке, дожидаясь первого крика. Крошка стоически отмалчивалась, подрыгивала маленькими ручонками. Врачи занервничали. Новорожденная Мирумид не завопила, пока одна из медсестер не обратилась к ней: «Ну же, малышка, не подводи!» – «Я отказывалась делать то, что делают другие, когда положено. На день позже, на час или минуту раньше – лишь бы не как все...» Не была пай-девочкой. Родня с ней намучалась – приходилось подолгу объяснять, уговаривать. Не убедившись в необходимости поступка, она его не совершала. «Мама со мной настрадалась и в итоге отошла в сторону. Времени на воспитание у нее не было – она же деньги зарабатывала. Все взяла на себя бабуля. Не ругала меня, не била, разговаривала как со взрослой – я понимаю только такой язык...»

С бабушкой у них было полное взаимопонимание, пока Мирумид не стала подростком. Внутренний бунт нарастал, накрывая волной разум, воспитательные установки, наставления окружающих: «Я отбилась от рук. Выиграл юношеский максимализм: мне казалось, что быть домашней девочкой как-то неправильно. Влилась в Москву того времени. Сигареты в подъезде, сильно накрашенные глаза, томик Саган в рюкзаке, песни Жанны Агузаровой в наушниках, первый „выворот“ от первой выпивки, глупые отношения – ожоги... Не жалею, через это нужно было пройти. Мы были первым поколением московских девочек, разочарования которых равнялись опыту, а „розовые очки“ являлись неотъемлемой частью имиджа... Главное, чтобы та переходная беспробудность не засосала. Надо суметь всплыть, сбросить счетчики. У меня получилось. Благодаря одному человеку...»

Подростковый бунт Мирумид разделял... дедушка, Георгий Спиридонович. Мудрец с влажными глазами цвета неба, тяжелыми руками с прижившимися со временем мозолями, грубым, но не без душевности голосом. Он жил за городом, в домике с большим садом. Вишневые, абрикосовые деревья, кусты малины под верандой, утренняя роса на траве, деревянный забор, скрипучая калитка с номером 63. «Дед не согласился переехать с бабушкой в шумный город, к дочери. Сказал: „Ты езжай, а я здесь останусь. Будете навещать меня на выходные, на каникулах“. И мы навещали. Дедушка, встречая, целовал меня в лоб – помню огуречный запах одеколona, шершавость изношенной рубашки, искреннее тепло объятий. Бабушка с мамой жаловались на меня, а он защищал. „Не мучайте внучку своим воспитанием. Она умница. Она не подведет...“ Веришь ли, Светусвет, я так ни разу и не подвела его. Эти слова оставались той самой

чертой, которую я не осмелилась переступить. Любила деда больше мамы, бабушки... Он воспитывал меня своим пониманием».

Смотрим «Россию» по спутнику. Выпуск новостей. Диктор читает репортаж, посвященный Дню Победы. Война ушла в прошлое, но рубцы на судьбах тех, кому удалось выжить, остались. «Каждый год 9 Мая мы ездили к дедуле. Бабушка уезжала за два дня загодя. Готовилась к празднованию – ждали гостей из Москвы. Дочерей с внуками, бывших соседей, друзей-ветеранов. Мама заказывала торт у соседки тети Лары, покупала букет гвоздик, подарок для дедушки, из-за которого тот всегда бранился: „Ну и зачем ты тратишься, дочка?! Я уже старый, мне много не нужно. Вы – есть. Чего тут еще?..“ Я торжественно вручала дедуле цветы, он целовал в щечку, потом я пела ...это праздник с сединою на висках, это радость со слезами на глазах, День Победы, День Победы! Я по-детски гордилась дедушкой, рассматривая ордена и медали на его парадном костюме».

Сейчас День Победы для Мирумир – отголосок воспоминания. Георгий Спиридонович умер четыре года назад. Внезапная остановка сердца. Спустя неделю умер с тоски и его пес Банзай. Навсегда заснул в кресле покойного хозяина, так во сне и убежал в лучший мир, где теперь живет Георгий Спиридонович. «Долгое время еще утром в девятый день мая я бежала к телефонному аппарату. Позвонить тете Ларе, спросить, готов ли торт... Но выходила из спальни и понимала, что звонить некому. Ни дедушки, ни тети Лары в живых нет. Осталась только мама и бабушка. Ни одна из них так и не вернулась в дом, где умер их герой. Точнее, наш герой...»

Переключает канал, прерывая рассказ. Выходит на балкон, прихватив пачку «Кента». Выкурить тоску воспоминаний...

...Она носит обувь исключительно на каблуке, красит волосы в цвет солнца, кошек награждает человеческими именами и спит на подушке из сушеной

айвовой кожуры. Ругает политику «Миши Саакашвили», поддерживая республиканцев Грузии. К тому же «если бы президентами становились женщины, а не заносчивые мужики, то в мире было бы спокойнее». Восхищается Катрин Денев, слушает пластинки Нины Брегвадзе, а перед сном читает рассказы Нодара Думбадзе, который «возвращает в детство».

Скучает по своему кирпичному домику на окраине Рустави[21 - Город на юго-востоке Грузии, в 25 километрах от Тбилиси.], где по вечерам собирались с соседками за большим столом, обсуждали мужчин, политику, кулинарию. «Мне повезло, что я выросла в Рустави: там получила настоящее грузинское воспитание, которого, кстати, лишены многие тбилисцы. Столица Грузии, несмотря на пресловутую закрытость, вечно подвергалась чужим влияниям – особенно в советское время». На четвертом десятке она перебралась в Стамбул: «Отари, мужа моего покойного, пригласили работать в местном посольстве Грузии. Переехали сюда с детьми, но я долго не могла привыкнуть. А вот сейчас считаю Стамбул второй родиной. Да и турчанки чем-то схожи с грузинками. Чисто внешне. Хотя темперамент в корне другой...»

Живет в гордом одиночестве. Сыновья выросли. Оба женились на турчанках, переехали жить в Германию. Звали, зовут к себе – отказывается уезжать. «Мне одной комфортнее. Не в том уже я возрасте, чтобы с кем-то уживаться... Сказала мальчикам, чтобы похоронили меня в Рустави. Умереть хочу здесь, а упокоиться в родной земле. Рядом с Отари. Но я отходить в мир иной не тороплюсь. Бог меня любит. Пообещал, что проживу еще десяток лет. У нас с ним приятельский договор... К тому же, скажу по секрету, Бог неравнодушен к блондинкам». Громко хохочет, промакивает выступившие слезы желтой салфеткой, другой рукой теревит мордочку ленивого кота Франсуа. Типичный грузинский юмор – колкий, но добродушный...

...Ирма, 66 лет. Моя соседка по лестничной площадке. Живет в однокомнатной квартире с двумя упитанными котами. Живет воспоминаниями, а не настоящим. «Я прошлого не боюсь. Подружилась с ним еще в первые дни климакса. Поздновато, конечно, – но таким эмоциональным людям, как я, вообще сложно настроиться на волну времени. Сейчас Прошлое почти ежедневно заходит ко мне в гости: перекидываемся картами, пьем мое любимое вино из Алазанской долины, листаем книгу воспоминаний... Я горжусь и поражениями, и – потом – победами». Ирму нельзя назвать красивой. Нос орлиным клювом, тонкие губы,

большой лоб. Зато какой у нее взгляд! В нем столько любви, что ее с лихвой хватило бы всем жителям земли... «Мама ругала меня за наивность. Говорила, что человек должен быть немного эгоистичным, капельку циничным, в меру доверчивым. А в моем характере, кроме доверчивости, ничего и не было. Верила абсолютно всем. Даже одноклассникам, которые рассказывали мне, 14-летней дылде, страшилки про руку из черного пианино. Помню, наслушавшись подобной чуши, ночами спать не могла... Я родилась на рассвете. Если верить египтянам, дети солнца больше отдают, чем берут. Так и есть. Жила, живу болью чужих сердец».

Находила спасение в книгах. «Когда-то мечтала открыть типографию под названием „Счастье“. Печатать книги по низким ценам. Лично выбирать бумагу, следить за качеством переплета, вдыхать первый запах нового издания. Книги дарят людям счастье, становятся укрытием от реальности. Книги – лучшие друзья большинства женщин, а не бриллианты. Когда нам недостает любви, мы беремся за любовный роман. Когда хотим забыться, погружаемся в увлекательный детектив... Типографию так и не открыла, не получилось. Муж, дети, заботы. Сейчас для этого уже нет ни сил, ни „бумажек“. Мальчики, Бог им в помощь, обеспечивают меня, ну а просить у них деньги на такое я не стану...»

...Встречая нас в подъезде, обязательно зазывает в гости. Угощает отменным хачапури, сливовым ткемали, непременно вином. «Вы такая гармоничная пара. Смотрю на вас, вспоминаю и свою молодость. Свидания с Отари, нашу первую близость в винном погребе, прогулки вдоль Куры. Тогда времена были другие. Менталитет значил больше, чем любовь. Важно было, с кем встречаешься, из какой семьи твой суженый. Строго чтились традиции. Сейчас-то любовь получила свободу... Не бойтесь любить! Любовь побеждает и будет побеждать. Главное в борьбе друг за друга – верить друг в друга...» Ирма заваривает горький-горький кофе. По-грузински. Нарезает «вагончиками» чурчхелу с сахарным налетом, складывает в вазочку перед нами. «Родные мои, всегда найдутся люди или обстоятельства против любви. Бывает, кажется, время замерло, дороги вперед нет. Тогда надо закрыть глаза и шагнуть, не думая, куда и для чего. Если любовь сильная, волны обязательно вынесут к берегу...» Ирма закуривает трубку, выдыхая дым строго вверх. В нем читается наша с Мирумидна одна на двоих мысль. «Обязательно победим».

... В восьмой день мая на улицах Стамбула женщин значительно больше, чем мужчин. Они лучезарно улыбаются, смущаются под пристальными взглядами, но, конечно, гордятся. Своей природой. Сегодня Турция празднует День матерей. Сидим с Мирумидом в кафе на крыше одного из отелей Таксима. За столиками вокруг женщины в компании мужчин: мужей, сыновей, племянников. Через два часа еду к маме поздравлять. Любимая съездить со мной отказалась.

«Пока рано». Я не настаиваю. В любви нельзя душить свободу...

Она помешивает затейливо скрученной трубочкой гранатовый сок в стакане из розового стекла. Подперев рукой подбородок, разглядывает билборд «Sex and the city: the movie» на соседнем здании. Икона стиля Кэрри и вершина харизмы Биг улыбаются друг другу с красочной афиши. Мирумид ждет не дожидается премьеры: «Хочется быстрее окунуться в этот мир неупущенных безграничных возможностей...» Ветер с Босфора заигрывает с ее выбившейся прядью. Она собирает волосы за ухо, но через секунду непослушная прядка снова падает на лицо.

Признается, что безумно хочет позвонить матери, поздравить. Хоть та и не турчанка, и недолюбливает Восток. Позвонить со словами: «Я люблю тебя»... Сомневается: «Нет, лучше не надо...» Она могла бы выплеснуть внутренний порыв на волю, развеять его на соленом ветру, но боится отдать мечту в руки поступку. «Хочу остаться в сказке: побыть еще немного здесь, не думая о том, кто и где меня ждет. А звонок маме стал бы погружением в реальность – в отчужденную реальность...» Мирумид знает, что туда нужно возвращаться, рано или поздно, но растягивает время. «Вдохни в меня сил, чтобы там я сумела отстоять необходимость возвращения сюда».

Обида на мать по-прежнему живет в ней. Только с годами меняет оттенки – светлеет. Мирумид уже не играет роль послушной девочки. «В наших отношениях нет лицемерия. Искренни и я, и она. Нет, это не терпимость – просто-напросто мы отказались друг от друга, оставаясь на одной сцене, в одной пьесе. Но у нас честные отношения, без игры в „дочки-матери“ напоказ...

Мы – люди разных жизненных платформ, хотя и связаны свыше. Такое бывает, Светусвет. Она считает, что я живу не так, как должна жить. Я считаю, что она ждет от меня того, чего не стоит ждать. Думала, что не смогу простить маме определенных поступков. Однако время многое смягчает».

Вертит мобильный в руках. Пальцы дрожат на кнопках. Не решается. «Я могу злиться, возмущаться, но стоит мне услышать мамин голос... и я готова ей все простить. Готова обнять ее крепко-крепко! Но она смыкает руки на груди, не подпуская меня к себе. Между нами – невидимое стекло разочарований. Говорит: „Я вырастила слюнтяйку, а не дочь“... Она выполняет „материнский долг“: перечисляет деньги мне на карточку, посылает ко мне домработниц, через бабушку передает подарки. Я для нее дочь согласно бумагам, а не частичка души».

Мирумид распускает волосы, закидывает заколку в сумку. «Как бы я ни говорила, что отношения с мамой меня мало волнуют, а все равно переживаю. И чем старше становлюсь, тем больше тоскую по ней. Не по ней даже, точнее, а по мной же созданному образу матери. В реальности его нет. Я нарисовала маму, о которой мечтала с детства. Маму, которая не ударит по коленке с криком: „Не мотыляй ногами!“ Маму, которая не заберет из детского сада с двухчасовым опозданием. Маму, которая не будет унижать родную дочь, сравнивая с дочерью соседки. Я ее не считаю виноватой в чем-либо, но, видимо, во мне еще живет та недолюбленная девчушка. Грусть из детства возвращается... Когда-нибудь у меня будет дочь. И я непременно исправлю ошибки мамы. Быть может, моя девочка будет обделена в дорогих игрушках, но она никогда не будет обделена любовью. Никогда...»

Мирумид неожиданно набирает номер. На том конце провода отзывается недовольный женский голос. Любимая нажимает отбой. В ее глазах дрожат невыплаканные слезы...

...Постигает закон счастья через собственные понятия. Злится, когда всю многогранность чувств сводят к нескольким словам. Она верит в то, что счастье Саши может быть не похоже на счастье Сани. «У нас всех всё по-разному. Хотя бы на уровне чувств. Кому-то приносит счастье внезапный поцелуй под весенним дождем, а для кого-то счастье – это пачки евро в чемодане из кожи ската... Счастье не поддается обобщению».

Мы лежим на зеленой траве парка Эминёню. Закатали красно-синий плед под головы. Не понадобился: сегодня +26. Лето приближается. Она откусывает с хрустом зеленое яблоко, я общипываю виноград – чилийский, не вполне бордовый и совершенно безвкусный. Спрашиваю: «А что для тебя счастье?» Она закладывает руку под затылок. Щурится под лучами щедрого солнца. Из тенистой глубины парка кто-то пускает солнечных зайчиков, они скачут по темным местам, одежде... «Для меня счастье – это ждать и дожждаться». У счастья нет синонимов. Его можно описать только через собственные ощущения.

«...Сначала мы искали счастье в сказках, рассказанных перед сном, в своем мирке под теплым одеялом, в запахе плюшевого мишки под боком. Потом – в первой победе на Олимпиаде по литературе, в невинных школьных романах, в тревожных песнях Цоя. Затем наше поколение девочек пыталось найти счастье под бирками громких марок, в ненужных отношениях с пустыми фатами, в книжках под кричащей обложкой, которые мы демонстративно выкладывали на столики первых кофеен. Только сейчас я не ищу счастья: оно рядом, и во мне... Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми».

Жалуется на отсутствие «распродаж счастья». «А что, почему не бывает скидок на счастье? Цены на него вечно завышены, вне зависимости от сезона! Надо пожаловаться в Союз свободных потребителей... А если серьезно – мы, как правило, платим за счастье дорогую цену. Вот и лично я, за теперешнее счастье...» – «Все долги погашены, любимая. Don't worry, be happy[22 - Не волнуйся, будь счастлив (англ.)]....»

Мирумир поднимает голову с подушки, кладет ее на мой живот. «Знать, что рядом тот, кто любит, – вот в чем счастье. Все до банального просто». Мы оба

надеваем очки, погружаемся в идиллическую весеннюю полудрему...

* * *

...Она шла к счастью ложными путями. Неудивительно – ведь путеводителем был ум: прагматичный «агрегат», находящийся под давлением массовых заблуждений. Идти по Судьбе в компании ума достойно сожаления и ведет к ошибкам.

«В какой-то период я перестала верить сердцу. Мне казалось, оно обрекает на невезение. Это похоже на мороженое, съеденное в холодную погоду: идешь на поводу у желаний, а в результате заболеваешь ангиной. Тяжело выздоравливаешь и зарекаешься есть эскимо на морозе... Я вот тоже в один день зареклась прислушиваться к сердцу. Махнула на него рукой, решила жить умом. Это выглядело как-то правильно. Люди, живущие по уму, многого добиваются – ну такого, общепринятого. Карьера, статус, деньги... Я же душой была, не понимала, что те, кто доверяет исключительно своему уму, теряют сердце. А сердце – в нем жизнь...»

Дорога к счастью никогда не бывает короткой. На долгом пути, полном туманных образов и идей, важно не отступить от цели – обрести себя. И в этом счастье. Она же шла мимо полуразрушенных заборов человеческих мечтаний. По хрупкому грунту совсем не великих, но очень важных побед обычных людей. «Всегда надо идти вперед. Вопреки усталости, боли, разочарованиям. Верная цель формируется в пути... Я с детства любила пешие прогулки, будто предчувствовала, что еще не одну пару обуви сношу по дороге к счастью. Нападала грусть – шла гулять с дождем. Переполюсь счастье – шла гулять с солнцем. Нельзя замыкаться в чувствах. Конечно, бывают моменты, когда хочется запереться на все замки. Для переосмысления. Главное – выкарабкаться из водоворота прошлых обид...»

Она научилась прощать, не жалеть о допущенных ошибках. «Отпускаю боль утраты, как бы трудно ни было. Возвращаюсь на финишную прямую – и вперед, в путь. За очередной мечтой... Наша жизнь – постоянное движение,

останавливаться можно только для перекура. И тут важно не забыть заказать к сигарете кусочек клубничного пудинга...»

21

...Аэропорты – параллельная реальность. Другая энергетика. За кажущимся хаосом – отработанная схема. В этой реальности ежеминутно воспаряют и приземляются надежды. Аэропорты – шумные муравейники человеческих судеб. В их полутемных залах кто-то кого-то ожидает, провожает. Десятки людей сидят рядками на прохладных одноцветных скамейках, теребя книжки билетов. Мысленно заглядывают сквозь смотровое стекло в салоны взлетающих самолетов, надеясь, что хоть один из них держит курс на счастье. Однако действительность надеждам потакать не собирается. В действительности существует конкретный рейс, и ты в ожидании посадки гадаешь, верный ли выбран путь. Получится ли найти там то, что не удалось разыскать здесь?..

Мирумид улетала из Шереметьево с трещинами на сердце. Ехала в аэропорт со слезами, дрожащими под затемненными очками-авиаторами. Ранним утром понедельника, по сырым от дождя дорогам, в терзаниях запутанных причин. Из колонок доносилось шипение сбившейся радиоволны, на лобовом стекле дворники боролись с небесными каплями. «Автосовесть» пискляво предупреждала о превышении скорости. Об опасности Мирумид не думала – спешила убежать туда, где время не убивает веру. Добраться до аэропорта, из которого, если повезет, удастся начать путь к счастью. «Уезжала с минимальным количеством вещей. Не хотела, чтобы что-то напоминало о прошлых сомнениях... Москва разделена на два поля: территория обретения желаемого и территория захоронения несбывшейся мечты. Я хоронила. Себя прежнюю...»

Она сбежала в Стамбул, запихнув в рюкзак живописное издание «Тысяча и одной ночи». Чем дальше отдалялась от дома, тем яснее перед глазами представал Восток. Шумный, пестрый, контрастный. Никогда раньше Мирумид не мечтала оказаться в этом таинственном царстве. Возжелала и решила неожиданно, увидев за неделю до отъезда в книжном на Тверской яркую обложку «Тысяча и одной ночи». Багдадский рынок-карнавал, переполненный заморскими торговцами. Корабль Синдбада-морехода, причаливший к неведомо-прекрасному

острову. Чувственная Шехерезада у трона грозного Шахрияра услаждает слух султана, вплетая одну сказку в другую... В тот же миг в памяти Мирумир ожили грезы из детства. Когда-то мечтала вырасти такой же красивой, как Шехерезада, жить в мире восточной сказки, где все сплошь экзотические сады, роскошные гаремы, ослепительные самоцветы, драгоценная парча... С годами дети вырастают, а мечты нет. Их суть остается прежней: разыскать счастье...

...На нервной почве Мирумир проголодалась. Зашла в невзрачное кафе полупустого аэропорта, расположилась за столиком у входа. Заказала завтрак, закурила. Неподалеку кучка китайцев ждала багаж у бегущей дорожки, с драматическими паузами выкатывавшей в свет спеленатые полиэтиленом чемоданы. Мирумир окунает в чашку сморщившийся чайный пакетик и достает его тяжелым, гордо расправившимся. И ей безумно хочется, чтобы ее счастье так же выползло наружу. Она борется со странным желанием побежать к той самой бегущей дорожке: «Вдруг сейчас появится мое счастье, а я прозеваю!» Уже было вскочила со стула, как за барной стойкой громко зашипел электрический кипятильник. Официантка наливает горячую воду в кружку. Звук этот вернул Мирумир в реальность, где время ее счастья еще не наступило. Но ждать оставалось недолго...

«...Странное предвкушение великих событий рождается в аэропорту. Знаешь, что произойдет через считанные часы, но при этом чего-то жутко боишься. Как-никак, все мы ходим под Богом. Он способен изменить ход игры в любой момент... В аэропорту руки пусты и свободны – готовы принять все, что придет. Из возможности выбора рождается чувство уверенности. Ты же можешь обменять билет, изменить направление и даже элементарно отказаться от поездки. Ты – волен...»

Мирумир обожает провожать взглядом самолеты. Отъезжающий трап, привычное десятиминутное затишье, легкое завывание мотора, аккуратный разгон и, наконец, долгожданный взлет. От приближения к надежде перехватывает дыхание...

«Обычно я приезжаю в аэропорт за три-четыре часа до вылета, чтобы вдоволь понаблюдать за потоком уезжающих. Смотрю на суетящийся люд: все спешат

сдать багаж, преодолеть таможенный контроль, просочиться на посадку. Так хочется верить, что все они станут счастливыми там, куда уезжают. Все сразу, вместе, возьмут и станут счастливыми! В аэропортах наивность приживается лучше, чем цинизм. Начинаешь верить в то, что большинство отправившихся за счастьем достигнут его. А прибывающие возвращаются с победой, а не с поражением...»

...Училась вере у Веры, хмурой соседки этажом ниже. Жгучей брюнетки азербайджанского происхождения, второй жены местного участкового Кириллваныча. А если воспользоваться определением завистливых соседок, то у «черножопой бабенки старого пера». Два овдовевших сердца нашли друг друга в солнечном Баку. Кириллваныч ездил туда на какую-то всесоюзную конференцию. После занудной двухчасовой болтовни наконец объявили перерыв. Гостей из братских республик потчевали по-восточному щедрым фуршетом. Вера, тогда еще Валида, прислуживала у столов официанткой. С улыбкой предлагала изголодавшимся гостям попробовать запеченные куски осетра, сбрызнутые ароматным наршарабом[23 - Знаменитый азербайджанский соус, готовится из уваренного гранатового сока.]. Кириллваныч, наткнувшись взглядом на объемный бюст черноокой Валиды, мигом влюбился. Сначала в бюст, потом – в саму вдову. Так начался южный роман двух одичавших сердец.

После первой же ночи страсти влюбленный участковый предложил Валиде руку, сердце, а также переезд в Москву. Она согласилась. Продала «сталинку» на Разина[24 - Один из поселков г. Баку.], доверила деньги будущему мужу и устремилась с ним под ручку прямиком в любовь. Спустя три дня любовники стали супругами. Спустя неделю Валида сменила имя на Веру. Никаких межнациональных проблем. Обычный поступок из необъяснимых...

...По мере взросления Мирумид ощущала острую нехватку женского идеала. Богини из реальности, у которых можно было бы поучиться тактике, флирту, ходам, выходам. Каждая девушка нуждается в женщине-примере. Мирумид, перешагнувшая Рубикон подросткового возраста, долго не верила в то, что сможет отвечать за себя сама.

«За моими подростковыми бунтами скрывалась растерянность. Мне казалось, что я неправильно говорю, поэтому старалась молчать. Мне казалось, что у меня ужасная фигура-„доска“, поэтому одевалась в балахоны. У мамы даже не искала понимания: слишком многое мы упустили с ней... Бабушка занималась мною

чисто на бытовом уровне. Да и не успевала она. С одной стороны бабушка, с другой – вечно занятая дочь с внучкой... Вера была моей единственной подругой. Помню первый день нашего знакомства. Сразу предупредила меня своим потрескавшимся от никотина басом: „Детка, не обращай ко мне „тетя“. Мы с тобой еще слишком молоденькие“. И я стала называть ее исключительно по имени...»

Зинаида Трофимовна, отправляясь к мужу за город, оставляла Мирумид на азербайджанку Веру – дочери девочку не доверяла. Да та и сама к Мирумид не тянулась: занята была карьерой, налаживанием личной жизни. «Раз в неделю, по пятницам, бабушка, уезжающая к деду, закидывала меня к Вере. Та безумно радовалась. У нее не было своих детей, а Кириллваныч целыми днями пропадал на службе. Всю накопившуюся любовь она обрушивала на меня... С ней я чувствовала себя прямо центром вселенной»...

...Валида с нетерпением ждала пятого дня недели. Заранее обдумывала меню для своей юной гостьи. Пекла пирожки с картошкой, покупала лимонад «Буратино», доставала через знакомых продавщиц «Мишку на севере». Она не думала о деньгах. Ей важно было проявить материнскую любовь, которая долгие годы оставалась запертой в ней.

Первое время Зинаида Трофимовна, передавая внучку соседке, непременно заносила и обед с ужином. Однако Валиде удалось уговорить ее не беспокоиться по поводу еды. «Не суетись, соседка. Жирными азербайджанскими блюдами я малышку нагружать не стану. Что попросит, то и сготовлю...» Что бы ни говорила Валида, все равно за череду пятничных дней Мирумид отведала почти все блюда азербайджанской кухни. Кутабы с зеленью, довгу с кусочками мяса, плов с сухофруктами, бозбаш и т. д. Мирумид раз и навсегда влюбилась в дюшбару, посыпанную сушеной мятой. Может, из-за того, что она напоминала пельмени?..

«...Как только я оказывалась у Веры, она усаживала меня на венский стул, пододвигала ближе низкий столик, накрывала его желтой шелковой скатертью и умудрялась накормить меня всем, что приготовила. Всего понемножку. Вера не

заставляла есть. Просто давала мне ложку в руки, садилась за стол и с аппетитом кушала вместе со мной... Я смотрела на Веру, и мне так хотелось, чтобы именно эта удивительная женщина была моей мамой... После обеда шли на прогулку. Вера покупала мне пышную сладкую вату, разноцветные шарики, водила по аттракционам... Когда я стала старше, Вера научила меня тому, чему самой научиться невозможно. Вере, отваге. Часто вспоминаю ее слова: „Не бойся своих желаний и спеши жить. А знаешь, что такое жить? Жить значит любить...“ Тогда воспринимала ее слова не слишком серьезно. А сейчас понимаю, что философия моей чувственной азербайджанки была самой жизненной, без капли пафоса...»

...Валида умерла за три с половиной месяца до отъезда Мирумид в Стамбул. Диабет окончательно придавил без того слабое сердце. На похоронах, устроенных по мусульманскому обычаю, сгорбленный горем Кириллваныч передал Миру-миру конверт с надписью: «Для моей дочки с шестого этажа». «... Я вынула письмо. Оно пахло ее духами – „Шанель № 5“. На белом листе несколько строчек.

„Поражения – это тоже своего рода победы... Не теряй себя. Люблю тебя... дочка...“»

Часть II

Вокруг них

Есть на свете те, кто остается, и те, кто собирается в путь.

И так было всегда.

Каждый волен выбирать, куда есть время, но после, сделав выбор, нельзя от него отступать.

Туве Янсон

Харун

...Не ищет правды там, где ее нет. Не любит ветра, безжалостно разгоняющего облака. Не верит в могущество ночи, но доверяет рассветам – посланникам надежды. Слышит голоса людей, но не прислушивается к ним. Для него реальна только музыка собственного сердца...

Давно перестал стучаться в сердца людей. Отстранился от героев настоящего. Сформировал личное пространство, где нет табличек giris и ?ikis[25 - Вход и выход (турец.)]. Посторонним вход запрещен – достаточно теней прошлого. Он боится ударов в сердце: знает, что оно не выдержит, – возраст не тот. Иммуитет, стойкость, вера – все поистрепалось с годами. Нет, он не доживает свой век, как считают окружающие. Он живет другой жизнью, не похожей на жизни миллионов из миллиардов...

Ему достаточно солнца, Босфора, работы сторожа в компании голубей при Египетском базаре. Голуби – путеводители его привязанностей. Ухаживает за ними. Кормит, поит, очищает перья от пыли мегаполиса. Верит исключительно им. Для общения с голубями не нужно знать птичьего языка. «Если голубь пригрелся в руках, значит, доверился. Нужно лишь прислушаться, и внутри, в глубине теплого комочка, обязательно услышишь искреннее воркование...»

Не прячет голову в песок. Не бежит от реальности. Оболочка старика вполне гармонично живет в этом мире. Договаривается с работодателем, перекупщиками, ходит в маркет, покупает табак, кофе и свежесвыловленный товар у рыбаков с Галатского моста. Действует по определенной схеме – совершенно рутинной, но зато адекватно воспринимаемой окружающими. Признается, что если будет жить среди людей по другой, то его упекут в дурдом. Сумасшедшие – это люди, которые не смогли доказать реальность своих миров. Обществу всегда ближе идея о том, что других миров, кроме земного и небесного, не существует...

Читает Маркеса, никогда не запоминает снов, с тревогой провожает голубей в небо. Считает правду самым ценным, что у него есть. «Я честен перед самим собой. Мне есть что скрывать и есть чем делиться. Но всё это я предпочитаю оставлять взаперти. Чтобы избавиться от пристального внимания людей, надо создать иллюзию открытости...» Он и с нами говорит так, будто заворачивает слова во вкусно пахнущую, но непрозрачную яркую обертку. Лишь угадываем истинный смысл, настоящую откровенность в его словах. В красноречивых паузах, отстраненных взглядах, ритме сигаретных затяжек. Рядом с ним понимаешь, как ценна искренность и как же сильно повредила ее современность...

Харун-бей, 68 лет. Когда-то в молодости он мечтал стать писателем. Учился на архитектора, подрабатывал курьером в кондитерской, а по ночам писал. Неплохо писал. Так, во всяком случае, говорил его преподаватель философии Тургай Чинер, которому однажды Харун отважился показать свои тексты. Ходжа[26 - Учитель (турец.).] посоветовал продолжать творить. Ярче выписывать образы, стремиться создать нечто целостное, к примеру новеллу. Воодушевленный Харун вернулся ночью домой с твердым намерением взяться за повесть о неотправленных письмах, но до письменного стола так и не дошел. На пороге застал заплаканных сестер. Умерла мать. Отказ второй почки, оставшейся после удаления первой, прогнившей. С той самой ночи Харун понял, что жизнь совсем не похожа на книги. Бросил учебу, устроился на три работы. Нужно было вырастить двух сестер. Теперь он заменял не только отца, бросившего семью, но и мать.

«...Никогда не жаловался на жизнь. В то время я как-то расслоился, отделившись от себя тогдашнего. Не думал, что должен проживать молодость, влюбляться, совершенствоваться. Для меня существовала одно – ответственность. За двух сестер, за дом и быт...» Харун-бей женился поздно. Когда выдал замуж сестер и заработал себе на «однушку» на окраине, осознал, что проехал мимо собственного счастья. Чуть позже, конечно, была любовь. Если точнее, влечение. Приглянулась девушка из соседнего дома, младше его на пять лет. Познакомился с Сухейлой, отправил на сваты тетю. Сладкий чай. Спустя пять недель женились. А еще спустя пять месяцев начались конфликты. Харун собрал вещи и ушел с единственной утешительной мыслью: «Хорошо, не завели детей...»

Оставил по доброте душевной супруге квартиру в азиатском Стамбуле, ушел жить к другу Мехмету. Друг, как выяснилось позже, оказался совсем не другом. Подставил Харуна. Полиция, обвинение в краже, суд. Восемь лет за решеткой. «Отсидел и вышел с одним желанием: отойти подальше от людей. Вернулся в европейский Стамбул, устроился работать охранником в лавку на Египетском базаре, познакомился с голубями. С тех пор я здесь. У меня нет пенсионной книжки, зато есть совесть. Не стану называть судьбу шлюхой. Давно послал ее куда подальше...»

...Мирумидер первая разговорилась с ним. На скамейке у базара. Когда увидела, что седой мужчина с пожелтевшими на кончиках усами увлеченно читает Маркеса, под села ближе. Заглянула в книгу. Он читал ее любимый рассказ великого латиноамериканца – «Глаза голубой собаки». Мирумидер заговорщицки подмигнула мне. Турок за чтением Маркеса в рабочее время – нонсенс. Я тоже заскользил по глади скамейки ближе к любимой. Она заговорила первой, и мы провели весь вечер вместе с Харун-беем. Он возвращался памятью в года минувшие, ссыпая в ямки наших ладоней зерно для голубей. Втроем кормили пыльных ангелов Стамбула, осознавая, что жизнь контрастна, построена не только на потерях, но и на самом оправданном желании жить дальше. Даже когда жизнь – это череда поражений...

2

Назире

...Если позволяла бы площадь, она ложилась бы спать на кухне. Засыпать в окружении душистых специй, волшебных масел, неугомонных сковородок, пестрых мисок, бутанообразных венчиков – лучшей компании не придумаешь. Она не из тех поваров, которые, закончив рабочий день, хотят забыть обо всем, что только связано с приготовлением еды. Родная кухня и побережье Босфора – два райских места для нее. Готовя, изливает душу. И здесь нет нужды в людях-собеседниках. Предметы кухонной утвари – самые искренние слушатели. «Никому не рассказываю об этом. Люди стали слишком приземленными – смотрят на проявления душевности как на причуды. Улыбаются в ответ, а про себя называют сумасшедшей... Прячу свою любовь. Как можно кому-то

признаваться в том, что моим лучшим советчиком является старая чугунная сковорода? Досталась мне от бабушки и хранит под своим черным налетом много историй, тайн...»

Когда атакует грусть, обращается к шафрану. «В нем столько яркости, что ею легко закрасить серые оттенки настроения...» Когда переполняет радость, достает из кладовки шарообразную колбу с граппой. Рюмочка крепкого итальянского дижестива продлевает ощущение счастья. «Если пить граппу раз в неделю по пятницам, то можно излечиться от болезненной тоски. Я излечилась...» Когда хочет уединиться в себе, покупает пучок свежей мяты. Заваривает «царицу душевности» с добавлением чайной ложки липового меда. Смакует маленькими глотками, настраиваясь на волну внутренней гармонии. «Мята такая необычная, закрытая – при всей внешней открытости. Отгорожена от окружающей жестокости. Османы считали, что дорога в рай усыпана мятными листьями...»

Колдуя на кухне, слушает оперу. Арии из «Турандот» Пуччини или «Аиды» Верди. «Если занимаюсь мясом, то обязательно под Nessun Dorma в исполнении Паваротти – и он привносит философию в блюдо, которым я занимаюсь...» На территории кухни прячется от реальности: уютное убежище, где нет разрушенных надежд. Абрикосовый пирог никогда не подгорит, если строго контролировать температуру. Запеканка никогда не высохнет, если подливать мясного бульона. Творожный крем никогда не скиснет, стоит поставить его в холодильник. «На кухне все в моих руках. Здесь нет необратимых потерь...»

...Назире, 59 лет. Седые волнистые волосы, собранные в гульку на затылке. Обаятельные морщинки на белоснежном лице, тревожные от природы глаза, губы в черешневой помаде, очаровывающая улыбка. Здоровая худоба. Обволакивающий голос с хриплой томностью. Моя тетья с великим кулинарным даром, родная сестра оптимистки Фериде. Талантливый автор многих любимых лакомств из моего детства. Булочек с изюмом, шоколадного торта с клубничным кремом и, конечно, susuklu pide[27 - Лепешки с колбасой (турец.)].

Именно Назире-тейзе стряпала для меня то, что отказывалась готовить мама. Отрезала щедрый кусок карамельного пудинга, не пугая диатезом. Кстати, он

так ни разу и не выказал себя после тетушкиных сладостей. Мама, властная Скорпионша, все равно возмущалась, а тетя, упрямая Львица, всю отстояла свою позицию. «Абла[28 - «Старшая сестра» - уважительное обращение к женщине (турец.).], не забывай, мысль материальна. Наплюй на рассказы врачей. Им лишь бы побольше химии запихать в ребенка... Что может быть здоровее домашней еды, приготовленной с любовью?»

С 22 лет работает поваром. Не кончала кулинарных колледжей, курсов по кондитерскому мастерству. Талант передавался из поколения в поколение. В нашей семье почти все женщины отлично готовили и готовят. Однако только тетя занялась кулинарией всерьез, посвятив этому искусству многие годы жизни. Сначала работала кухаркой в семье известного турецкого хирурга. Потом ее пригласили шеф-поваром в ресторан. Спустя пять лет заведение закрылось. Назире переключилась на кондитерские изделия: начала печь дома на заказ. Благо от клиентов отбоя не было. Когда большинство турецких кондитеров ограничивались исключительно национальными сладостями, тейзе расширять кругозор, пополняя свое кулинарное «портфолио» европейскими рецептами. Одна из первых в Стамбуле стала готовить фокачу, сорбе...

...Заварив чай, курит в открытое окно. Наблюдает за нами. Мы с Мирумир заняты курицей в молочно-грибном соусе. Десертом нас дожидается малиновый пирог со сливками. Тетушка сегодня превзошла саму себя! «Малыш, ты так редко заходишь. Совсем забыл свою старушку... Когда позвонил и сказал, что забежишь, я сразу же ринулась на кухню... Знаешь ведь, мне только повод дай повозиться на кухне. Тем более для любимых людей...» Назире-тейзе до сих пор продолжает печь сразу для двух кондитерских Стамбула. Загружает себя работой, чтобы убежать от изнуряющего одиночества. Ей чаще приходится готовить для чужих людей, нежели для родных. Муж два года назад умер от инсульта. Единственная дочь вышла замуж, переехала жить с мужем в Анкару. Если бы не кухня и востребованность, Назире давно сломалась бы...

«Если когда-нибудь напишу кулинарную книгу, то назову ее „Рецепты надежды“. Не зря дело жизни в итоге стало для меня источником надежды. Я плачу, но все равно готовлю. Я смеюсь и опять же готовлю. Каждое утро благодарю Аллаха. Одарил меня талантом, вложив в него силу жизни... Вы тоже никогда не теряйте надежду, даже если она подгорела или утратила вкус. Всегда можно по-новому замесить тесто и снова испечь то, что хочется...»

Гюльбен

...Никогда не сбросит с плеч детство, словно мокрый плащ. Дорожит тем бесценным временем, когда тюбиком зубной пасты рисовала облака на голубом кафеле ванной, а черешни вешала сережками на оттопыренные уши. В ней живет чудесное ощущение того времени, которое, вопреки чисто фактическому расположению в картотеке прошлого, продолжает наполнять ее настоящее...

Она по-прежнему носит банановую панамку. Летом постоянно, зимой – в сухую погоду. Для нее панамка – своего рода оберег. «Мама заплетала мои рыжие кудри в толстую косу и нахлобучивала банановую панамку. Я шла по двору уверенной походкой под восторженные перешептывания соседей, называвших меня „рыжей феей“... Благодаря маме не стеснялась своей индивидуальности. Ну и что с того, что я немая и рыжая-прерыжая? Зато у меня красивое имя. Кстати, Мирумид, знаешь, как оно переводится на русский? Я – роза. Классно, да?..»

Болтает с жар-птицами, обожает апельсины, верит в жизнь за облаками, заваривает отменный яблочный чай с гвоздикой. Не умеет отпускать, не плачет по ушедшим. «Не понимаю, что значит отпустить?! Плохого в себе не держу, значит, отпускать нечего. А вот хорошее, доброе, даже светлую грусть держу в себе и не собираюсь с этим расставаться. Понимаете, это все мое. Прожитое, пережитое. Да и не верю я в то, что возможно что-либо отпустить из себя. Любые воспоминания навечно остаются в нас. Архив разума, куда помещена человеческая мемори-карта, безразмерен...»

Восхищается Кортасаром, гением возможной реальности. Если была бы наделена даром сочинительства, то писала бы именно в его стиле. «Хотя – воспроизвести уникальность Хулио не смог и не сможет никто. Я – тем более...» Она тоже, как герои Кортасара, смотрит на мир сквозь запах мятных леденцов и так же любит бродить без цели по южным улицам, зная, что вот-вот окажется в

объятиях мира, где «все скользит, превращается, тает, переходит само собой из одного в другое»...

Мечтает съездить в Банфилд, пригород Буэнос-Айреса. Именно там родились самые колоритные образы великого аргентинца. «Жаль, что о Кортасаре не узнала в юности. Если прочла бы его раньше, то построила бы жизнь по-другому, хотя в принципе я довольна судьбой... Познакомилась с творчеством Кортасара благодаря моему душевному другу из Баку. Он посоветовал прочесть „Игру в классики“. Помню, как в бархатные сентябрьские дни взбиралась на Чамлыджу, здоровалась с мамой, жар-птицей и Золотым Рогом, садилась на нашу с другом скамейку, открывала книгу и погружалась в мир безграничных фантазий. Душа покидала Стамбул. Уносились туда, где Орасио и Мага едят рубленые бифштексы, рассматривают облака над Парижем, осознавая, что небо куда ценнее земли...»

С ее шеи свисает желтый блокнот на оранжевом шнурке. На ласково-шершавых страницах пишет то, о чем хотела бы сказать вслух. Не относится к своей природной немоте как к недостатку. На жизнь смотрит с улыбкой на веснушчатом лице. «Правда, перевозжу много бумаги, деревья жаль... Раньше писала мало, исключительно по необходимости. Теперь мысли удлиннились, круг общения расширился... Исписанные блокноты не выбрасываю. Храню, перечитываю. Неплохие мысли попадают. Круто иметь стенограмму повседневных бесед...»

...Гюльбен, 22 года. Талантливая художница с фиалковыми глазами. Небольшого роста, вздернутый носик. Носит желтый вельветовый рюкзак, на застежках которого позвякивают разноцветные брелки – смеющиеся рыбки. Больше живет в собственном настоящем, нежели в общедоступном. Возвращается в реальность с конкретной надобностью. Посетить лекцию, сдать экзамен, побыть с друзьями или поучаствовать в выставке. В остальное время находится в мире, где нет тусклых красок, а слезы рождаются только от радости.

Там она не одна. С ней многочисленные герои ее картин. Двуххвостые кошки с сиреневыми языками, фиолетовые собаки без поводков и, конечно, мама. Источник ее веры, покинувший этот мир после продолжительной болезни. «Маме

там хорошо. Не переживает, не болеет, не думает о зарплате. Спокойно себе вышивает, вяжет, расписывает радугой крылышки купидонам, готовит для них пироги с начинкой из небесных звезд. И я с ней рядом... Хотите, открою маленький секрет? Вход в мой мир находится на Чамлыдже».

Познакомились с Гюльбен на ее первой выставке в Измире, куда нас пригласила моя родственница Шинай, редактор одной из турецких газет. «Обязательно приезжайте. Поверьте, это того стоит. Очень одаренная девушка...» Не поленились, съездили – и не пожалели. Картины Гюльбен – гирлянды из далеких воспоминаний. Смотришь на работы с одной мыслью: в моем детстве такое тоже было. Переносит на холст то, что, казалось бы, невозможно передать кистью...

«...Очень хочу нарисовать вас вместе. Давайте как-нибудь соберемся на Чамлыдже. Портрет на фоне туманного Золотого Рога. По-моему, интересно получится. В вашей любви, как и в Стамбуле, сплетаются культуры. Хотя... Все контрасты ничтожны перед силой любви, так ведь?» Согласно киваем, разглядывая новую работу Гюльбен под названием «Уничтожение сомнений одним усилием воли». Знак свыше?..

4

Халис

...Живет воспоминаниями о семи днях, шести ночах. Присутствует в настоящем с оглядкой в прошлое. Порой думает, может, произошедшее было сном наяву? Подносит запястье правой руки к носу. Все тот же аромат. Ее аромат. Цветочный. С ласковым холодком. Вдруг откуда-то из недр мужской самовлюбленности доносится гранитный голос. «Будь мужиком! Не будь слюнтяем! Ни одна баба не достойна того, чтобы ты по ней сох...» На мгновение соглашается с внутренним эго. Однако спустя минуту мужские убеждения заглушает крик сердца. Оно до сих пор ждет возвращения одной-единственной женщины, той самой недостающей половинки. Несколько лет назад, на пороге третьего месяца лета, половинка откололась, упав на дно колодца прошлого. От

нее остались воспоминания в сердце и аромат на запястье...

В судьбе иногда выпадает и орел, и решка одновременно. У него был шанс удержать и причина расстаться. Он не отпустил, но не смог удержать. Незрелость чувств подвела. Не зря говорят, любовь укрепляется с годами... Мужает, держится, вроде бы двигается вперед. «Хотя, по-моему, я застыл на месте. Часы отказываются работать на запястье правой руки. Тоска по ней замораживает стрелки времени...» По настоянию родителей женился на «своей» – троюродной сестре из Урфы[29 - Город на юго-востоке Турции.]. Чуткая девушка, прекрасная хозяйка, достойная супруга. Уважает Эбру, но не любит.

«По турецким меркам, я хороший муж. Заработанное приношу в дом. Трепетно отношусь к жене, дочерям. Хожу за покупками, выходные провожу с семьей. Физически нахожусь рядом с ними. Но моя душа принадлежит той самой русской девушке без адреса... Измена мысленная – большой грех. Поэтому не совершаю намаз. Какой толк, если каждую ночь в грезах обнимаю Анну?»

Пытается забыть в работе. Большую часть времени проводит в мужской парикмахерской в центре Таксима, владельцем которой является. Когда-то он начинал помощником мастера. Уже третий год как открыл свой салон. Сам стрижет только давних клиентов. Среди них и я тоже...

...Халис, 33 года. Поджарый брюнет со скуластым лицом. Говорит быстро, шепелявит. Нос с горбинкой, сросшиеся брови, меланхоличные глаза. Носит майки ярких цветов, потертые джинсы. Длинный шрам под средним пальцем руки. Подростком был жутко драчливым. Пару раз попадал в «обезьянник». Благодаря отцу избежал скамьи подсудимых... Не смог поступить в университет. Отслужив армию, вернулся в Стамбул, подался в парикмахеры. За считанные месяцы научился профессионально орудовать ножницами. Заработал авторитет среди аксакалов: дабы не утруждать пожилое поколение, ходил по домам, стриг умело и оперативно, вежливо отзываясь на капризы седовласых клиентов...

Родители возрадовались: наконец-то младший нашел свое призвание. Халис стал мастером своего дела. За два с половиной года из провинциальных цирюлен вырос до центральных арт-салонов Стамбула. С недавних пор имеет свой kuaf?r[30 - Парикмахерская (турец.).]. Взял в аренду помещение, нанял мастеров, оборудовал кабинет специально для себя и так называемых клиентов класса VIP. Доволен: желающих постричься в «Старе» хоть отбавляй... Повезло в профессии, не повезло в любви...

Шесть лет назад на отдыхе в Кемере[31 - Кемер - курорт на берегу Средиземного моря.], познакомился с русской туристкой Анной. Пухлогубая блондинка с золотистой кожей, будто светящейся изнутри. Нежный голос, волнистые волосы, доверчивый взгляд. Они нечаянно столкнулись лбами в голубой бездне Средиземного моря. Выплыв на поверхность, рассмеялись. Плыли в сторону берега вместе, улыбаясь друг другу во всплесках воды. Лучи солнца отражались от морской глади ультрамариновым блеском, а загорелый купидон в лазури летнего неба гордился удачным выстрелом...

Анна оказалась замужем, мамой двух близняшек. Приехала отдыхать в Турцию вместе с детьми и их бабушкой. Приехала за теплым солнышком, а нашла настоящую любовь. Аня была родом из Самары. Там, в незнакомом для Халиса городе, ее ждал муж. Друг детства, состоятельный человек, каменная стена. Но при этом он никогда не был любимым мужчиной...

Вышла замуж за Михаила по настоянию родителей. «Доченька, не раздумывай. Человек проверенный, хорошо зарабатывает, не пьет... Что тебе еще нужно?» Аня пять дней думала, в итоге согласилась, а спустя пять с половиной лет встретила любовь. Нежного брюнета, свободного, страстного, который настойчиво предлагал выйти за него замуж. Халис готов был и заменить отца ее детям...

Она осознавала всю масштабность своего чувства. Но ей не хватило смелости. Аня побоялась, что через пару лет пожалеет о безумном поступке. Сколько русских девушек так влюблялись, влюбляются на турецких курортах... Как правило, большинство случаев заканчиваются плачевно... Восточные сказки манят, дурманят, зовут в мир, который для многих становится клеткой страданий... Не сказав ничего Халису, наутро после страстной ночи Аня улетела

в Самару...

«90 процентов наших мужчин едут на турецкие курорты, чтобы позабавиться с русскими девушками. Но есть же исключения. Я любил Анну. И она любила меня. Наши отношения разрушили стереотипы, которые независимо от нас поселились в наших разумах... Не виню ее. Наоборот, с годами больше понимаю. Отступилась от чувства во имя семьи. Все-таки двое детей... Наша семидневная история любви закончилась так же неожиданно, как и началась».

...Достригает меня. Смахивает напудренной щеткой волоски с шеи, сушит феном промокший воротник рубашки. Хлопает по плечу. «Ну всё, кардешим[32 - Братишка (турец.)], можешь вставать... Извини, если заморочил тебя своими воспоминаниями». Поднимаюсь с кресла, благодарю Халиса, оплачиваю его труд. Покидаю салон. Размышляю по дороге. Я никогда не откажусь от Мирумид. Никогда. Даже если ей не хватит смелости сказать «да»...

5

Галина

Таксим, центральный район Стамбула. 15:03. Один из престижных отелей. Она уверенной походкой направляется в зал уютного ресторанчика «Mario». Мне на мгновение кажется, что я оказался в Париже 60-х годов. Ко мне приближалась вылитая Анук Эме. Короткие темно-каштановые волосы взбиты по-французски небрежно, нежная кожа с бледным отливом, темно-шоколадные глаза с чувственным драматизмом. Удачная смена имиджа. Одета как всегда элегантно, достаточно сдержанно. Пальто из каракульчи нараспашку, черные лакированные перчатки, сливовое платье, темно-синяя сумка с тиснением крокодиловой кожи. Замшевые туфли с красной подошвой. Игра «Угадай марку» не актуальна. Роскошь узнаваема...

Опоздала на три минуты. Сбросила пальто на руки услужливому швейцару, подошла к столу. Чарующе улыбнулась, поздоровалась, протянув руку. Деликатно извинилась. «Обычно прихожу вовремя. Просто сегодня день суматошно начался. Мои двойняшки пошли в первый класс...» При всей внешней закрытости она оказывается общительным человеком. Уже больше семи лет в Стамбуле. Замужем за преуспевающим адвокатом Эролом Ишлером, живет в роскошном коттеджном поселке в пригороде – Сабандже.

Стамбульская буржуазия не покупает недвижимость в центральных районах Константинополя. Жить в центре загазованного города для состоятельной прослойки не только признак дурного вкуса, но и элементарно опасно. По уровню преступности Стамбул переплюнул даже такую признанную «резиденцию» криминального мира, как Нью-Йорк. «Честно говоря, я не из пугливых. Ну скажите, чем испугаешь провинциалку, выросшую на окраине Калининграда? Вы, турки, вообще в этом плане жутко изнеженные. Эрол не разрешает мне передвигаться по Стамбулу без шофера и телохранителя в одном лице. Особо не противлюсь. Мужчина должен волноваться за женщину. Да-да, именно волноваться, а не подозревать»...

...Галина, 31 год. Некогда обычная русская девушка из окраины России, а ныне светская львица одного из богатейших мегаполисов мира. Ее имя на фоне фамилии мужа почти еженедельно мелькает в «Хурриете» – самой престижной газете Турции. Пресса называет Галину Ишлер «второй принцессой Дианой». Ее благотворительный фонд спонсирует крупные проекты в сфере культуры. С недавних пор я занимаюсь организацией всех общественных мероприятий семьи Ишлер...

«Народ, как видите, любит нашу семью. Неудивительно, ведь Эрол тратит огромные деньги на благотворительность. Я сначала была против этого. Потом он объяснил, что благотворительность – хорошая реклама. Вот в следующем году муж выдвигается в депутаты. Думаете, не наберет голоса? Еще как наберет... Да и мне нужно чем-то заниматься. К тому же популярность быстро засасывает. Вот завтра снимаюсь для турецкого „Elle“. Номинировали на „Женщину года“... Послезавтра лечу в Измир, там подруга открывает лечебницу для детей, больных лейкемией. Оттуда прямо в Анкару, где состоится показ новой коллекции Фаика Сёнмеца...» Закуривает, нервно затягиваясь. «Можно с тобой на „ты“? О'кей... В последнее время мне так часто хочется выговориться...

Устала от игры. Игры, у которой одно-единственное правило – деньги... Если мыслить корыстнее, популярность завтра мне понадобится. Вдруг Эрл меня бросит или умрет. У меня за спиной должна быть... маленькая история. Любую историю можно обыграть в свою пользу. Я привыкла к роскоши. Я приучила детей к роскоши. И боюсь, что завтра дольче вита может закончиться. У всех богатых женщин, выросших в бедности, один страшный сон – пустая кредитная карточка»...

Галина заказывает органический чай из аниса, кориандра, петрушки. Говорит, что обожает ежевичные пирожные, но выбирает не их, а салат из сухофруктов. Берет вторую сигарету. «Единственное, что себе позволяю, – сигареты. В остальном – строгая система питания. Я должна быть в форме. Всегда, везде. Какое бы настроение у меня ни было. Должна оставаться победительницей». У нее свой режим красоты. Фитнес, три литра минеральной воды ежедневно, пилинг, мезотерапия, сауна, здоровое питание. «В Турцию в поисках счастья приезжают сотни красивых русских девочек. То есть конкуренция большая. Поэтому мне нельзя терять форму. Хотя порой хочется послать все к черту и чисто по-русски напиться...»

Периодически посматривает на часы: в пять у нее занятие по верховой езде. У семьи Ишлер своя конюшня. «Я верю только детям и лошадям. Полчаса, проведенные в седле, – лучшее лекарство от депрессии. Пару лет назад у меня на родине была модна песенка с такими словами: „Наверно, в следующей жизни, когда я стану кошкой...“ Так вот, я бы хотела стать лошадкой. У лошадей жизнь проще... Знаешь, почему женщины стареют быстрее мужчин? Мы всю жизнь боремся за счастье. За внутреннее счастье. Чисто женское, которое очень дорого достается. Я изначально не верю в малобюджетное счастье...»

Ее борьба за счастье началась десять лет назад, когда она собрала одну сумку вещей и уехала покорять Турцию. Работала официанткой в Анталии, где научилась разговорному турецкому. Спустя два года перебралась в более дорогой курортный город – Бодрум. Устроилась в магазин продавщицей. Там и познакомилась с разведенным Эрлом. Улыбка, флирт, утро вместе. Он влюбился в нее, она влюбилась в его статус. «Знаешь, чего мне хочется? Банальной любви. Вот влюбиться по уши, целоваться в парках, слушать признания. И влюбиться хочется в... настоящего русского мужика. Да-да, именно русского. Надоели слащавые турки, пардон за прямоту... Эта моя единственная мечта, которой не

суждено сбыться. Я реалистка...»

«Значит, женское счастье – в любви?» – спрашиваю у Галины. «...Для любой умной женщины любовь важна не меньше, чем деньги. Хотя... может быть...» Зазвонил ее мобильный...

Прощается так же сдержанно, как и здоровалась. Будто между нами не было откровенного разговора. Из обычной русской женщины превращается в известную персону Турции. Этого требует статус. Этого требует история, которую, как она сказала, всегда можно обыграть в свою пользу...

6

Светлана

Ортакей, один из живописных районов европейской части Стамбула. Отреставрированные старые особняки, окруженные могучими платанами. Прелестная пристань, где отдыхают прогулочные катера. Мечеть Меджидие, куда когда-то на весельных лодках приплывали падишахи для совершения намаза. На часах 16:32. Жду ее в самом центре площади Искеле, расположившейся прямо у Босфора. Рыбные ресторанчики Ортакея пока пустуют – еще не вечер. Опаздывает на полчаса – договорились встретиться в четыре. Звоню ей. «Я бегу, бегу...»

Через пять минут замечаю приближающуюся ко мне полную женщину с упитанным пекинесом на поводке. Да-да, это она! Невероятно милые черты лица: бездонные голубые глаза с кукольными ресницами, пухлые губы бантиком в вишневой помаде, тонкие изломанные брови. Короткие русые волосы, детский взгляд с неподдельной искренностью. Говорит на русском с акцентом – слишком долго живет в Турции. «Русские, проживающие в Стамбуле, почти не общаются между собой. Никаких встреч, конференций, концертов. Каждый в своей конуре. Растерялись в 23-миллионном городе контрастов...»

Она говорит красноречиво – видно, соскучилась по общению на родном языке. Прогуливаемся по площади, временами останавливаемся. Дожидаемся Джамбо – пекинес что-то увлеченно вынюхивает в траве. «Вы извините за опоздание – водила Джамбо к ветеринару. Потом ехали сюда, застряли в пробке. Стамбул, как и Москва, – одна сплошная пробка...» Признается, что скучает «по городу, который до сих пор не верит слезам». Возможность вернуться на родину есть. Сама не хочет. «Зачем беречь старые раны? Тем более в Москве меня никто не ждет. Родни нет, я в детском доме выросла. С подругами потеряла связь. И не хочу ее восстанавливать. Уже не та, какой была. Да и сердце шалит – возраст дает о себе знать... Сама себе удивляюсь порой: с годами научилась быть счастливой в одиночестве. Представляете, мы, женщины, и на такое способны».

Располагаемся в маленькой чайхане на террасе с чудным видом на пролив. «Обожаю Босфор. Когда мне грустно, прихожу к нему. Когда я счастлива, первым делом делюсь с ним своим счастьем. После смерти Орхана у меня остались две радости в жизни – Джамбо и Босфор...» Вспоминает о покойном муже со слезами на глазах. Отпивает из чайного бардака[33 - Тюльпанообразный стакан – один из символов Турции.]. «Я не могла иметь детей. А Орхан мечтал о сыне. Из-за меня отказался от мечты... Жаль только, что поздно нашли друг друга... Судьбу не перепишешь...»

...Светлана, 58 лет. Мой педагог по русскому языку, с которой сдружился с первого дня частных занятий. Часто встречаемся вне уроков, общаемся, а заодно и шлифуем мое произношение. Она переехала в Стамбул в начале 90-х. Во времена смуты, инфляций, разочарований. «Я просто взяла и уехала. Мне тогда казалось, что в Москве не смогу построить то будущее, о котором с детства мечтала. Да и многих в то время тянуло на перемены. Безжалостно разрывали с настоящим. Меняли места, ракурсы, пытались иначе, по-своему, снять свое настоящее, чтобы проявить его в будущем. У многих не получилось, а некоторым повезло. Мне тогда повезло первый раз в жизни. Я нашла счастье на Востоке...» Прошу ее дать формулировку женскому счастью. «Все просто. Это любовь».

Светлана берет Джамбо на колени, гладит его светло-коричневую шерсть. Пес тянется к сахару на столе. «Тебе нельзя. Потом глазки будут слезиться». Достает из оранжевой матерчатой сумки пакет с собачьими печеньками в форме косточки: «На, лопай... Он их не очень любит. Чувствует подставу, обжора. Ведь

в этих печеньях виноградный сок вместо сахара...»

Просит официанта повторить заказ, отпускает Джамбо на землю. «Понимаете, для женщин любовь особенно важна. Без нее увядаем. И врут те женщины, которые говорят, что карьера для них превыше всего. Да, женщина должна непременно реализовать себя. Неважно где, на работе или в семье. Я вот никогда не была карьеристкой, хотя училась на отлично, закончила педагогический и несколько лет проработала в школе-интернате. Но для меня счастье было в другом. В настоящей семье. Чтобы любимый муж, дети, воскресные завтраки за большим столом. Свежая выпечка, домашнее варенье и собака с умными глазами... Может, это вам покажется чрезмерно сентиментальным. Но я мечтала именно об этом. Всегда мечтаем о том, чего лишены в детстве...»

Она замолкает, словно улетает туда, где яркие цвета иллюзий прошлого еще не поблекли. Тем временем тучи над Босфором темнеют, вот-вот хлынет дождь. «Иногда мечты сбываются, но немного в иной форме. У меня именно так произошло. Моей семьей стали муж, собака и Стамбул. Детей я не смогла родить. Хотела удочерить сразу двоих – Орхан не согласился. Не пошла против воли мужа. Ни о чем не жалею. Я любила, была любима. Как минимум ради этого стоило прожить жизнь... Он умер, но наша любовь жива. Ею я дышала вчера, дышу сегодня и обязательно буду дышать завтра. У настоящей любви нет прошедшего времени».

...Проливной дождь срывается с неба. Быстро расплачиваемся, бежим в сторону трассы. Успели промокнуть. Джамбо спрятал мордочку в манто Светланы. Добегаем до обочины дороги, наконец-то оказались у своих машин. Прощаемся. В спешке пожимает мне руку, целует в щеку. Что-то еще говорит, перекрикивая шум дождя, я сразу не улавливаю. «...Любовь и есть самое настоящее счастье. И для мужчин, и для женщин...»

...Притягивает чудеса магнитом сердца. Верит в них с детства. «Чудеса надо уметь разглядеть в повседневности...» Не верит в существование непреодолимых препятствий. Не верит в способность жизни опустить человека на дно отчаяния. «Если сильно захотеть, можно удержаться на плаву... Правильно говорят: когда палец указывает на небо, дурак смотрит на палец». Слушаешь и веришь. Веришь, обзывая себя идиотом за то, что сомневался в шансе на спасение...

Ее счастье в маленьких радостях. Обожает печь блинчики на водной глади Босфора, запускать ладошку в мешок с чечевицей, собирать сахарные песчинки со стола, придумывать незнакомцам яркие судьбы, сбегать в обеденный перерыв в киношку. А еще любит медленно подливать молоко в чай и наблюдать, как белое облако рассеивается в темно-коричневой жидкости. Ну чем не русская Амели! Впрочем, схожестей в них не так много. В отличие от Пулен, обходит стороной фотоавтоматы, не отправляет садовых гномов в путешествие и пока не отыскала друга-художника со «стеклянными костями». С чудесной француженкой их объединяет одно – твердая вера в счастье.

«...Когда дождь смывает солнце, а с неба хмурятся тучи, не впадаю в депрессию. Назло капризу природы раскрываю свой зонтик малинового цвета. Расцвечиваю серость. Закидываю в рот клубничный леденец, кутаюсь в желтый шарф и бегу в сторону метро, где быстро согреваюсь. За чтением новой главы „Шоколада на крутом кипятке“ незаметно добираюсь до своей каморки, которую снимаю на окраине Стамбула. Там нет персидского ковра под ногами и роскошной ванной с джакузи. Зато найдутся пушистый плед, теплые тапочки-зверюшки и кружка чая с шоколадным печеньем. Для счастья нужна малость...»

...Слава, 23 года. Миниатюрная девушка с ореховыми глазами. Чуть оттопыренные уши, горящий взгляд с желанием спасти мир. Милая официантка из ресторанчика «Don't panic» на побережье Босфора. Носит платья в цветочных принтах и тяжелые ботинки. Темные волосы, стрижка «боб» с короткой челкой. Густо подводит глаза. Забывает включать по утрам мобильный. В наушниках ее плеера часто поет Джони Митчелл...

Живет в Стамбуле второй год. Уехала из родного Питера, повинувшись порыву. Бросила учебу на журналиста в СПбГУ, оставила родителям записку, купила билет и улетела туда, где в воздух вплетены лучи солнца. «Никакого протеста, возмущения, побега. Я просто проснулась утром и сказала себе, что пора приумножить счастье. Давно мечтала о Стамбуле. Вот и решилась. Отпустила обстоятельства, начала все заново. Стала старше на жизнь...»

Не стыдится работы официантки. «Наоборот, интересно. Столько чудачков встречаю. Ко многим из них привыкла. Вот заходит к нам второй год подряд строго по пятницам старушка с кукольно-розовыми волосами и ленивым йоркширом в соломенной сумке. Заказывает одно и то же: кусочек вишневого пирога с маком, персиковое мороженое, холодную газировку с двумя дольками лайма. В ожидании заказа старушка берет салфетку, черкает на ней что-то, складывает, после чего кладет обратно в салфетницу. Когда она уходит, читаю ее очередное „письмо“. Содержание не меняется. Как думаете, что в них написано? „Солнце вернулось вовремя. Значит, и ты вернешься скоро“. Интересно, кого бедняжка ждет?..»

Познакомились со Славой в «Don't panic». Проходя мимо столиков, услышала, как Миру-мир беседует на русском по мобильному. Подошла под предлогом сменить пепельницу, посоветовала попробовать профитроли с апельсиновым желе, разговорилась с нами. Сдружились. Теперь гуляем, отдыхаем вместе. Слава учит нас гадать на зубочистках, варить баклажановое варенье, лепить магнитки из пластилина, слушать «в правильном ракурсе» Себастьяна Теллье и верить в победу любви.

«Моя карамельная интуиция уверяет, что вас никто не разлучит. Ваши чувства – как корочка глазури крем-брюле, которую невозможно сломать ложкой... Светусвет, запомни, русские женщины необыкновенно отважные. Мы не привыкли получать любовь даром, мы привыкли за нее бороться. Причем до победного конца. Так что поддержи Мирку в бою...»

Смеюсь, уплетая ананасовое мороженое. Весеннее солнце милостиво согревает город, переливаясь в пышно-зеленых кронах деревьев. «О'кей, с нами разобрались... Ты лучше скажи, когда наступит твое время любви?» Слизирует мороженое с уголков рта. «Ну, я всегда люблю. За меня не волнуйтесь, идет работа в данном направлении. Скоро будут результаты... Жаль, что тестеры полагаются к косметике, а не к новым поклонникам». Слава заказывает еще одну порцию лакомства. На этот раз фисташкового. На Востоке утверждают, что тяга к фисташкам – первый признак надвигающейся любви...

8

Лада

...Боится услышать песню ветра. В нем звуки прошлых проступков, материнской тревоги, расколотого единства. Стоит задуть ветру, как она затыкает уши берушами. Не хочет слышать того, от чего ушла не по собственной воле. Скучает по сыну, большеглазому малышу с обезоруживающе чистым взглядом, который, хочется верить, никогда не помутнеет от жизни... Ветер отзывается в ее сознании задорным детским смехом. Вместе с белоснежной нежностью будоражит в сердце тоску. В такие мгновения ей хочется уничтожить себя. Обматерить, избить, искалечить. «Какая ты мать, если оставила ребенка на пожилую женщину, а сама смылась черт знает куда?!.»

Разум начинает объясняться перед совестью. «...Уехала в Стамбул не от хорошей жизни. Должна заработать денег, чтобы поставить сына на ноги». Находится не в том положении, чтобы отказываться от работы. Пусть грязной, но, главное, хорошо оплачиваемой...

Она не выбирала себе судьбу. Никогда ни на кого не надеялась, кроме себя. Особенно на представителей сильного пола. «Конечно, не все мужики козлы, но большинство точно. Принцев расхватили еще в сказках, остальные либо спились, либо переженились... Мне с юности не везло на кавалеров. Попадались конченные идиоты или жуткие уроды. Да и я особо не обольщалась на свой счет. Внешностью Боженька не наградила. Носатая выдра с выдающимися бедрами и кривыми ногами. Одним словом, ничего особенного!.. Всего один раз улыбнулась

удача – подцепила красавца Леху на дне рождения подруги, от него и забеременела. Сначала хотела на аборт пойти. А потом подумала: если рожу ребенка, хоть что-нибудь правильное сделаю в жизни... Вот так Ванюша появился на свет. Сейчас понимаю, что этот карапуз моя самая большая удача».

По уик-эндам наведывается в детские магазины. Пополняет количество подарков для сына, которые «скоро, совсем скоро доведу ему». Кубики-мякиши с рожицами Шрека, радиоуправляемый пиратский парусник, машинки из серии Street Racer, мини-конструкторы Lego Creator, наборы цветных карандашей, раскрасок и пазлов. «Так успокаиваюсь. Мне кажется, будто этими покупками искупаю свои материнские грехи. Знаю, что обманываю себя. Но ложь порою спасает...»

Двадцатого числа каждого месяца спешит в ближайшее отделение банка. Пересылает через Western Union часть зарплаты в Калининград. Матери-пенсионерке и пятилетнему сынишке. «Верите, я научилась молиться. А что еще делать, когда оставляешь дитя больной женщине на другом конце света? Впрочем, я хоть спокойна, что за сыном присматривает не чужой человек. Все-таки бабушка... Звоню к ним часто. Ванюша поднимает трубку и первым делом спрашивает: „Мам, ты когда приедешь? Мне в сентябре в школу. Все на первый звонок пойдут с мамами...“ А я реву на этом конце провода и причитаю: „Скоро, сынок, скоро...“ Возненавидела слово „скоро“»...

...Лада, 36 лет. Живет этажом ниже, в однокомнатной квартире с сиреневыми стенами. Ухаживает за парализованной старушкой, украинкой из Донецка. Дочь Оксаны Захаровны, вышедшая замуж за турка и ныне руководящая сетью стамбульских ресторанов, привезла Ладу с собой из Калининграда. Специально для того, чтобы та ухаживала за слегшей матерью.

«...Сучка, с жиру бесится. Совсем не интересуется родительницей. Снимает для нас однушку, раз в месяц посылает с шофером деньги, продукты, лекарства, и всё. Ни разу не позвонила, не зашла. Уже третий год мудохаясь с Оксаной Захаровной. Бедняжка мучается, по дочери скучает, но просит не звонить ей, мол, Леночка деньги зарабатывает, вся в делах, не беспокой попусту... Когда

Лена нанимала меня в сиделки, строго-настрого запретила звонить ей. „Зарплату будешь получать без опозданий... Единственное условие: не смей тревожить меня. Если что случится, обращайся через шофера“. Вот так и живем. Оксана Захаровна скучает по единственной дочери, а я по единственному сыну...»

Временами Лада забегает к нам. Поболтать, покурить, обсудить российские новости. «Я здесь почти ни с кем не общаюсь. Вы моя отдушина...» У Лады тонкие губы с бледно-розовым отливом, короткая стрижка, плохо обесцвеченные волосы. Близко посаженные зелено-голубые глаза. Маленький рост, возрастная полнота, легкая сутулость. Ненавидит Стамбул. Приехала в город контрастов, гонимая нуждой. Предложили работу, пришлось согласиться.

«Здесь, на Востоке, понимаю, что значит быть чужой. Здесь ощущаю себя до ужаса одинокой. Все-таки родина есть родина. Знакомые, соседи, родственники. Да элементарно, народ говорит на понятном тебе языке... Конечно, Стамбул бесконечно красив. Этого не отнимешь. Однако Калининград все равно лучшее место на земле. Во всяком случае для меня»...

...Вчера зашла в приподнятом настроении, но со светлой грустью в глазах. «Время прощаться...» Сегодня утром Лада поговорила с хозяйкой, сообщила о своем решении вернуться обратно на родину. «Лена возмущалась, упрекала, неблагодарным быдлом обозвала. Представляете, ей хватило наглости сказать, что и так собиралась меня увольнять, так как нашла более достойную замену. Я промолчала. Ради Оксаны Захаровны. Эта женщина святая. С пониманием отнеслась, благословила в дорогу. „Езжай с Богом... Тебе с сыном надо быть... Не волнуйся, работу и там найдешь. У тебя золотые руки и чистая совесть“. Хотите честно? Буду скучать по Стамбулу. По вам, по Оксане Захаровне». Обняла, расцеловала нас. «Родные, а вы приезжайте в Калининград. Это, конечно, не Стамбул. Но тоже есть на что посмотреть...»

Шахин

...Просыпается тогда, когда все засыпают. Прячется от дневного света за тяжелой завесой бархатных гардин. Отоваривается исключительно в круглосуточных маркетах, развлекается только в ночных клубах, гуляет по Стамбулу лишь в темное время суток. Презирает свет. «Обнажает сожаления настоящего...» Убегает от солнца. «Возвращает туда, откуда уношусь изо всех сил...» Носит затемненные солнечные очки. «Не хочу видеть ярких цветов. Раздражают своей резкостью...» Обязан темноте жизнью – спрятала от боли. «Скажете, прячу голову в песок? Maybe. Для чего выныривать из темноты, если свет ослепляет сердце?..»

Он – житель ночного Стамбула. Вампир без черного плаща и потребности кого-то убивать. «Спросите, для чего живу? Не знаю... Человек ко всему привыкает. Я привык жить прошлым, не задумываясь о будущем. Наверное, должны быть и такие люди, как я...» В его крови нет ничего, кроме сожалений. Сожалений красного цвета. «Слишком многое проиграл. Проиграл свое счастье, любовь, карьеру. Спросите, кому? Кто тот везунчик, которому досталось так много чужого добра? Прошлое. Единственный пожиратель человеческих потерь... Отобранное возврату не подлежит».

Выжимает себе апельсиновый сок. Растворяет в нем порошковый витамин С. Наливает нам виски в стаканы из стекла с золотыми прожилками. Никогда не видел его понурым. Даже о самом грустном рассказывает с улыбкой на лице. Такое ощущение, будто улыбка – единственное, что у него не смогло отнять прошлое... Отпивает фрэша. На бокале застывает отпечаток светло-розовой помады. Постоянно подкрашивает губы – скрывает болезненную бледность. Его жизнь одна сплошная борьба в режиме non-stop. Сейчас борьба ужесточилась – воюет с болезнью и с настоящим одновременно. Ради чего? Все жертвы ради прошлого. Потому что только в прошлом он жил...

...Шахин, 37 лет. Познакомились с ним в «Life», одном из клубов Бейоглу. Подсел к нашему столику. Культурно поздоровался, смахнув с лица челку пепельного парика. Попросил прикурить. Сказал, что угощает нас выпивкой. Разговорились.

У Шахина невероятно обаятельное лицо. Пользуется декоративной косметикой, прикрывает лысину париками с густыми локонами. Не одевается в женскую одежду. Предпочитает костюмы однотонных светлых оттенков – облегающие брючки, приталенные пиджачки. Все со вкусом, никакой вульгарности.

Он – гей. Не скрывает этого и давно не гордится. Принял себя таким, каким родился. Мирумид говорит, что у него невероятно наполненные глаза. Серо-зеленые, с пышными ресницами, чуть припухшими веками. «В них столько жизни!» Заливисто хохочет, обнажая белоснежные зубы. Поворачивается к барной стойке, закинув ногу на ногу. Просит повторить. Бармены «Life» знают: их постоянный клиент пьет апельсиновый сок с водкой. Подбадривает организм витаминами, одновременно разрушая его спиртным. Противоречия даже в предпочтениях. «Красотка, в них не может быть жизни, так как моя жизнь подходит к концу... СПИД у меня». Сообщает об этом не с эпатажным вызовом. Его интонация, пропитанная каким-то безразличием, больше похожа на защитную реакцию...

Мирумид не выказывает смущения. Заказывает еще бокал мартини. «Ну, с ВИЧ можно прожить много лет. Главное, беречь себя... Так что не надо подгонять конец, когда до него еще жить и жить». Щиплет за щечку любимую. «Вы мне оба очень нравитесь... Мирумид, а ваш оптимизм забавляет. Хотя, не удивляюсь: русские вообще очень стойкие. Окончательно убедился в этом, будучи в Москве». Мирумид, отметив улыбкой начавшуюся песню Шаде, спрашивает: «Давно были в России?» Прислоняет бокал к щеке, подпирая им голову. В глазах появляется грусть. «В 2004-м... Хорошее было время...»

Шахин до недавнего времени активно работал в турецком шоу-бизнесе. Был востребован. О нем писали газеты, часто появлялся в ток-шоу, писал песни для Сезен Аксу, Петек Динчоз. Однако большую часть времени посвящал Таркану. Трудился в команде его продюсеров. Занимался организацией гастрольных туров, заключал договора с саунд-студиями, следил за работой пиар-группы. Именно в составе команды Таркана в 2004 году приезжал в Москву. Концерт в Кремлевском дворце называет одним из самых удачно организованных выступлений. За все время работы в творческой среде побеждал сотни раз, ни разу не проигрывал. Звезда удачи Шахина померкла в день, когда получил анализ крови...

Предусмотрительно покинул шоу-бизнес. Рано или поздно от него все равно бы культурно избавились. «...Таркан просил меня остаться. Он тогда начинал запись своих первых англоязычных песен. Предложил поехать с ним в Нью-Йорк... Я отказался. Понимал, что никакой пользы от меня не будет... Когда узнал о болезни, во мне что-то отмерло. Все показалось таким ничтожным. Сплетни, творчество, пересуды, истерики любовников... Я умер морально, хотя сердце продолжало биться... Конечно, со временем встал на ноги. Но уже другим. Скучал, скучаю по своему прошлому, освещенному светом софитов, но одновременно ненавижу его»...

...Прощаемся с ним, когда стрелки фосфоресцирующих часов подошли к отметке 5. Царапает на салфетке домашний адрес. Тоже живет в Ортакёе. «Заходите ко мне завтра вечером... Выпьем, поболтаем. Если честно, мне очень одиноко... Хотя можете и вовсе забыть обо мне... Решать вам». Обещаем навестить Шахина. Расцеловываемся. Снимает парик, запихивает в сумку. Стирает влажной салфеткой остатки макияжа. Останавливает такси. Напоследок делится еще одним откровением. «Знаете, о чем сейчас больше всего жалею? Не завел вовремя ребенка... Дураком был. Думал, все впереди, а пришел к концу...» Открывает дверцу желтого такси. Из салона доносится голос Таркана. По «Istanbul FM» звучит песня из первого англоязычного альбома всемирно известного турка...

Часть III

В них

...Я считаю, что должна рассказать, даже если может убить. Так должно быть, человек должен рассказывать другому человеку, как он жил, если он любит этого человека. Я про тебя говорю, а не про Осипа. Ты мог рассказывать, а мог и не рассказывать мне о своих подружках, а я должна была рассказать все. Это единственный способ сделать так, чтобы человек ушел прежде, чем успеет полюбить другого человека, единственный способ сделать так, чтобы он вышел за дверь и оставил нас двоих в покое.

Хулио Кортасар. «Игра в классики»

...мы с Рюйей посмотрим друг на друга- я не видел тебя с утра, мы не разговаривали со вчерашнего вечера, я спрошу: «Как ты?» - «Ничего, нормально!» - как всегда ответишь ты, и я сосредоточенно буду думать, не кроется ли что-нибудь этакое в твоих словах...

Орхан Памук. «Черная книга»

1

... С возрастом острее ощущается дефицит смелости. С каждым днем труднее смеяться над собственными ошибками - теперь в них больше непростительности. С каждым месяцем болезненнее привыкать, примеряться - теперь хочется, чтобы подстраивались под тебя. С каждым годом грустнее провожать караван настоящего в былое - теперь даже в неизбежном расставании видишь конец света. С возрастом не происходит ничего несусветного. Взросление состоит из капризов, упрямства, эгоизма детства. Ингредиенты те же, усложняется лишь форма проявления...

Мирумир, как и все взрослые, тоскует по бесшабашной юности. Короткая, по сути, пора, когда с легкостью добиваешься невозможного и не менее легко отказываешься если не от всего, то от многого точно.

«В юности не вникали в философию „что будет дальше?“ В тогдашнем нашем счастье иллюзии превалировали над фактами. Могли посреди ночи, не предупредив родителей, сорваться из дому, чтобы поцеловать в губы того, кто на тот момент казался самой большой любовью жизни. Ничего не боялись. Мы сомневались в бдительности милиции, зато верили в то, что нас оберегают ночные огни Кутузовского проспекта. Это была не покорность порывам, Светусвет. Умели слышать себя... Безусловно, без ошибок, разочарований, предательств не обходилось. Но в юности на правду жизни смотришь сквозь пальцы. Были убеждены в том, что достаточно принять ванну, перекрасить

ногти в цвет hot summer, выкурить сигарету на глазах рассвета, и всё изменится. Не щенячий оптимизм, а, скорее, понимание того, что у каждого человека есть право не быть непогрешимым...»

Наливает себе апельсиновый чай в большую голубую кружку. Делится своими мыслями об утраченном времени, зябко подперев колени подбородком. «Все-таки хорошее было время. Мы, добровольные узники той Москвы, не воспринимали откровенность друг друга как забавную причуду. Нам было не важно, где и в какой обстановке излить душу. В поднебесном пентхаусе на Шаболовке или в хрущевке в Люблино. Вдохновляла на завтра вера в то, что двоим намного легче простить упущенное... Юность – это свободный полет против ветра. В юности актуальнее не взлететь, а долететь. Мы долетали...»

Мирумир, надкусив печенье, разматывает косу. Натягивает фиолетовую резинку браслетом на правое запястье, поправляет волосы. В глазах любимой теплое сожаление. Я пододвигаю к ней пиалу с ежевичным вареньем. Макает мизинец в душистый сироп, облизывает, довольно щурится.

«Я не хочу переводить стрелки часов назад. Догнать поток уходящего времени невозможно. Бесполезно искать себя там, где время опережает воспоминания. Но все равно иногда хочется снова стать той. Шустрой девочкой, которая тогда еще не платила тройную цену за желание не быть одной. Я была отчаянно смелой, не боялась перемен, умела оправдывать поражения настоящего победами будущего. Сейчас я не хуже, не лучше. Другая. Теперь в слове „никогда“ слышу больше категоричности. Теперь загадываю желание на двоих, согреваю сердце в твоих ладонях, добровольно слепну в пространстве нашей любви. Я будто расслоилась на два времени. С тобой и до тебя. С тобой я шуршащий змей на веревке в руках обретенного счастья. И, чтобы сохранить эту неразрывную легкость, мне не хватает той смелости, оставшейся на задворках юности...»

Мечтает на считанные минуты вернуться в то время, когда в толпе мерещились знакомые лица, а размазанная тушь была протестом против всеобщей циничности. «Восполнить там недостатки настоящего и снова вернуться сюда. К тебе. Мне кажется, в юности я забыла что-то важное. Этот туманный клубок

утрат снится мне, просит забрать с собой. И я часто плачу. Слезами невосполнимой потери. Хотя знаю, в чем их истинная причина. Просто скучаю по юности. У меня, как и у многих, эта тоска на время просыпается и со временем проходит. И в этот раз пройдет...»

2

...На первых порах двадцатилетия со страхом ждала лета. В тот промежуток времени ее душа жила осенью – плаксивой, багряной, дурманящей. Других времен года не хотелось. Душа Мирумир омывалась потоками страданий, которые на тот момент казались сами собой разумеющимися. Когда переживаешь первую безнадежную любовь, хочется осени, хотя разум настаивает, что исцеление возможно только в лете.

«...Пряталась от солнца. Я словно была покрыта ожогами, а лимонные лучи с неба причиняли острую боль, раздражая воспаленную кожу. Тогдашняя грусть не была отчаянием. Скорее, издержки возраста. Мы, поколение тех девочек, стремились любить, но большинство наших стремлений сталкивались с безответностью. Из-за этого вдали от мужских глаз страдали, напивались, проливали слезы, хотя знали, что все лучшее – впереди. Наши самоистязания были негласной привилегией поколения, проявлением женского единства. Girlpower, слышал о таком?..

Вместе переживали драмы каждой из нас. В прокуренных комнатухах под песни „Браво“, с мешками под глазами от переизбытка слез, выпивки, феминизма и с изысканной философией собственного сочинения на устах. На следующий день после подобных посиделок мы разбегались в разных направлениях Москвы с гордостью какого-то выполненного долга... Так что тогда лето как-то не было в почете. У страданий должен быть фон дождя за окном. Ну, хотя бы по голливудским меркам...»

Москву того времени называет настоящей. «Наша правда была в порывах сердца, в дыме выкуренных сигарет, но никак не в гламурных узеньких

книжицах, как сейчас. Тогда нас не волновали судьбы дамочек, живущих за платиновыми заборами. Верили в свою проваренную философию жизни. Да, может быть, всё это не выглядело красиво и маняще. Зато естественность сохранялась даже в вычурности. Плакали настоящими солеными слезами. Рыдали с уверенностью в том, что у завтра будет жизнеутверждающее начало. Битва за счастье проходила без потери собственного „я“. Мы крепчали, но не изменяли себе...»

Сейчас Мирумид нетерпеливо тянется к лету. Чарующее время года, когда грусть лишается перманентности. У каждой поры свои законы. Осенью надеешься, зимой веришь, весной дожидаясь, летом – получаешь. «Хочешь честно, Светусвет? От грядущего лета многого жду. Я верю, что мы наконец-таки отвоюем чувства у обстоятельств... Мне еще нужно до конца открыться тебе. Должен знать мое прошлое, позапрошлое. Конечно же, любовь стоит выше этого. Однако в любом случае прошлое нужно обезвредить настоящим».

Перебираю пальцами ее влажные после душа волосы. «Ты так говоришь, будто до встречи со мной подрабатывала киллером, а в редкие часы досуга занималась киднеппингом. И у тебя, и у меня есть прошлое, в котором было много когда-то близких, ныне чужих людей. Нормальное явление. Давай наконец поставим жирную точку в этом разговоре! Принимаю тебя такой, какая ты есть. Мне не важно, что было „до“. Важно то, что „после“ проживаем, проживем вместе...»

Обезоруженно вскидывает руки, мол, сдаюсь, не стреляйте. «О'кей, родной, договорились. Поставим точку, но сначала я расскажу тебе о человеке, в руках которого пока находится мое настоящее. Именно от него поступают те звонки на мобильный... Сейчас готова к этому разговору. Не мешай, выслушай, постарайся понять...» Устраиваюсь поудобнее. «Рассказывай». Улыбаясь, кивает. «Для начала заварим кофе?..»

...Мирумид замужем. Не знал, как правильно отреагировать на это. По-восточному эмоционально? С громким возмущением? Сдержанно? Просто выслушал. Без слов. Сигарета в поддержку терпению, кофе для пресечения волнения, ее рука в моей руке назло сомнениям. Раскладывает пасьянсом передо мной свое прошлое, переплетенное с нашим настоящим. Не смотрит в глаза. Боится встретить непонимание? Говорит торопливо, словно спешит глубже вдохнуть свободу. «Я хочу стать свободной с тобой...»

На лице Мирумид испуганная улыбка, в интонации – тревожная ирония. Во мне смешались чувства. Одно знаю точно: не отпущу любимую. Она говорит, что он ее любит, она – нет. Не нуждается в авторитете, положении мужа. «Сергею нужна другая женщина. Не такая, как я. Не хуже и не лучше. Именно другая. Способная слышать, понимать его... Я не понимала. Жаль, что поздно себе в этом призналась. Мы, женщины, делаем решительный шаг вперед после того, как отмерим два шага назад...»

Называет его исключительно по имени. Без ненависти, презрения. В голосе одна пустота. «Я выходила замуж с расчетом – на стабильное будущее. И единственное, что меня связывало с ненастным прошлым, была фата. Ее конец соприкасался с той жизнью, которую с удовольствием проиграла бы в карты. Я шла к алтарю со жгучим желанием написать эсэмэс Юдашкину о том, что его идея с длиннющей фатой не удалась... Почему невозможно утилизировать прошлое?..»

Замужество Мирумид – отчаянный шаг. Неосознанность, подкрепленная настойчивостью родни. Впервые прислушалась к разуму, проигнорировав сердце, и до сих пор об этом жалеет. «Тогда была разочарована в любви, в мужчинах... В порыве протеста вышла замуж за друга детства... Думала, всё придет с годами... Не пришло».

Он любил, она – уважала. Мирумид надеялась, что любви мужа хватит на двоих. Ошибалась. «Отчаяние подтолкнуло меня к мужчине, кошелек которого шире сердца. Отдаваясь Сергею, мысленно считала не его деньги, а минуты, часы, дни out of love. Каждым мгновением того времени доказывала себе, что сумела

погасить веру в любовь во внутреннем протесте. Дурой была, обманывалась. Любовь невозможно разменять на деньги. Эксченджи валюту чувств не принимают. К счастью...»

Для нее он был, остается чужим. Чужой тот человек, с кем не желаешь разделять себя. «Его поцелуи были безвкусными. В них была горечь, а не сладость страсти. Он прикасался ко мне, и душа покидала тело. На время уносилась туда, где живут любовью. Впрочем, тогда для меня важным являлось другое – честность перед чувствами. Я не имитировала любовь за туфли от Manolo Blahnik. Я всего лишь расплачивалась тоской за видимость счастья. Расплачивалась не карточкой Golden Visa, а самыми настоящими наличными...»

Там, в другой жизни, жила в роскоши, гламуре, изысканности. Многие девушки назвали бы такую жизнь райской. Но для Мирумид это было высокобюджетным, но бездушным представлением, в котором было все что угодно, кроме искренности. Именно поэтому не родила Сергею ребенка – решила на аборт. «Он кричал, куда я трачу так много денег. Я отвечала: „На шмотки“. Верил. Мужчинам удобнее объяснять причины женских капризов вещевым недостатком. Он думал, что я набиваю его деньгами карманы безобидных модельеров-геев, хотя я отдавала их детям, больным лейкемией. Этим не искупала грехи, не рисовалась. Скорее, оправдывала жертвы. Мне хотелось думать, что живу вне любви не из-за внутреннего протеста, а из-за желания помочь страдающим детям...»

Обрываю Мирумид на полуслове. Заглядываю в родные глаза, где плещутся страх, растерянность и любовь. «Не рассказывай больше о том, кого любила до меня... Мне важнее, что сейчас, здесь, ты со мной. И я могу к тебе прикоснуться... Теперь твое прошлое и мое тоже. Пора вступить в будущее. Наше будущее. Готова?» Улыбается и плачет. «С тобой – да»...

Слезы у Мирумид не соленые.

...Стряхивает кончиком пальца пепел сигареты. Бело-серая пыль рассыпается снежинками по рукаву ее вельветовой ветровки. Она провожает взглядом проплывающий неподалеку вапур[34 - Пассажирский пароход в Стамбуле.], над которым нависает шумная стая голодных чаек. Босфор сегодня пурпурного оттенка. Значит, приближается лето.

«...Бабуля сильно переживала из-за того, что я курю. Увидев у меня пачку сигарет, начинала причитать, мол, довольно травить себя, тебе еще детей рожать. А я не могла с собой ничего поделаться. Был период, когда каждая сигарета казалась невероятно вкусной. Потом наступило время, когда сигареты для меня стали совершенно безвкусными. Тогда я на подсознательном уровне следовала ежедневному плану – одна пачка в день. Сейчас все иначе. С возрастом в каждой выкуренной сигарете видишь некую философию уединения. Необъяснимую, подчас оправданную только чувствами...»

Мирумид повествует о своем никотиновом опыте, я дополняю ее рассказ байками из своего отрочества, мы, по сути, разговариваем ни о чем, и нас это устраивает. Именно сейчас, когда откровения прошлого всколыхнули воду в озере настоящего. В отношениях зачастую достаточно сменить тему. Перед тем как стирать одежду, ее надо непременно вытряхнуть. От пыли сомнений...

Вдоль набережной смуглый мальчуган с взъерошенными волосами разносит чай на металлическом подносе. Подзываю его. Беру два бардака с двумя кусочками сахара на каждом из блюдец. Плачу пять лир. Он радуется, благодарит за щедрые чаевые. Роется в кармане, достает льняной мешочек. Вынимает из него коричневый сахар в нитях шафрана. Сразу видно, домашнего приготовления. «Угощайтесь, эфенди[35 - Вежливое обращение в Турции.]. Моя мама сама его варит...»

Мирумид берет из щедрой ладони два неровных кусочка. «Tesekk?rler»[36 - Благодарю (турец.).]. Юный чайханщик смущенно улыбается: «Allah sizden razı olsun!»[37 - Пусть Аллах будет вами доволен! (турец.).], отходит от нас. Мирумид грызет сахар, жмурит глаза от слепящего солнца. «Светусвет, Расскажи мне о

своем детстве...» Отпиваю чая. Вапур, причаливая к берегу, громко загудел. «А почему именно о детстве?» Кладет голову на мое плечо. «Потому что истинный вкус счастья можно ощутить только в детстве. Потом счастье тоже можно попробовать. Но к нему уже примешиваются разные привкусы...»

Опустошая свой бардак, мысленно возвращаюсь туда, где время исчисляется не минутами или часами, а мгновениями. «Мы с отцом часто ездили в Баку. У нас там родня. И каждый раз, в первый день нашего приезда, папа отводил меня в чайхану. Она находилась в одном из скверов Старого Города, под открытым небом. Там в основном собирались аксакалы, играли в нарды, обсуждали новости политики. В центре чайханы стоял огромный медный самовар, топившийся дровами... Нас с отцом встречал чайханщик Мамедсафа. Такой большой дядька с пышными усами. Помню, как он подходил к нашему столику, держа на каждой ладони пирамидку из шести полных горячего чая стаканчиков. Я, лопухий мальчишка, восторженный, снимал дрожащей рукой два верхних армуды[38 - Традиционный стакан для чая в Азербайджане.]. Один протягивал отцу, другой ставил перед собой. До сих пор в моей памяти живет особый аромат того чая. Аромат из безвозвратного детства...»

Пока она слушала меня, ее чай остыл, один из кусочков сахара скатился в Босфор. Босфор – сладена. Так что угодила! «Все-таки Восток – это другая реальность. Мое московское детство было более приземленным, но, скажу честно, не менее прекрасным. Правда, отца в этом детстве, как и позже, не хватало. И я чувствую в себе этот большой пробел... Думаю, будь у меня отец, мне не пришлось бы идти босиком по выжженной траве и тонкому льду... Хотя, кто знает...» Обнимаю ее. «Какой смысл мучить себя? Как было, как было бы, как будет... Все неприятное уже случилось, впереди только лучшее...» Теснее прижимается ко мне. «Да, скоро лето. А летом много надежд... Как говорила моя подруга, лето – это время года, когда у женщин до крови растерты ноги. Как только обувь разносится и затянутся раны, наступает осень...» Смеемся. У нас закончились сигареты...

...Мы сидим на нашей маленькой кухне. За маленьким столом у стены, накрытым клетчатой скатертью. В желто-белую клетку. Минимализм в сервировке. Две тарелки, два бокала с холодным белым вином, две вилки, две салфетки. Соль и перечница. Больше ничего. Бывают такие вечера, когда хочется свободы во всем. В атмосфере, в ощущениях, в окружении. Когда не хочется зависеть от предметов, планов, предпочтений. Хочется плюнуть на все и наслаждаться свободой на двоих...

Отварили спагетти в воде с добавлением столовой ложки куркумы. Быстро сварганили к ним соус из помидоров, жирных сливок, шампиньонов, обжаренного лука. Тожеественно водрузили желтые спагетти на желтые тарелки, сдобрили их бледно-красной подливой и съели с такой изысканностью, будто перед нами лангусты в соусе тартар. Где-то в недрах гостиной поет Нино Катамадзе. На повторе «Uto». Под эту песню хочется летать над землей, прикасаясь подушечками пальцев к острым кончикам зеленой травы. Ласково щекочет, заряжает энергией...

Мирумир засасывает спагеттину, которая, свисая с губ, забавно извивается. Я спрашиваю любимую о ее безумных желаниях. Задумчиво хмурится. «Ммм... мне почему-то сейчас хочется оказаться в зимнем Севастополе. В потрясающем городе, куда в детстве ездила с дедом на каникулы. Там влезть на Памятник затопленным кораблям, вдоволь покричать на волны. Спорить с ними, ругаться... Хочу кричать и не быть услышанной людьми... Странно, да?»

Осушаю бокал вина. «Почему же? Совсем нет... А мне вот прямо сейчас, в полпервого ночи, хочется получить срочную эсэмэску от какого-нибудь важного человека. Ну, например, шефа. Получить, прочесть и забить на нее. Специально, назло... Порою нуждаемся в эсэмэсках, на которые не собираемся отвечать. Ими отвоевываем у окружающих уважение к личному пространству...»

Мирумир смеется, накручивая остатки спагетти на вилку. «Мы с тобой как два извращенца с кучей тайных желаний». Загадочно ухмыляюсь. «Подожди, я еще не сказал о своем втором желании...» – «Выкладывай...» Отодвигаю тарелку в сторону. «Поцеловать прямо сейчас девушку, сидящую напротив меня». – «Ого! Я

готова помочь тебе в этом»... Бокал Мирумид опрокинут.

...Мои пальцы утопают в горячих волнах ее волос. Они пропитаны теплом дневного солнца. Лишь в корнях уловима босфорская прохлада. Мирумид погружена в чуткий сон затухающего дня, а я боюсь дышать в полную силу. Ограничивая движения, лежу рядом, смотрю в окно снов любимой. Я верю, что там, в жемчужном царстве условных границ, нет громких звуков, темных комнат, свинцовых дорог и пустых чемоданов. Я верю, что там, в душевной бескрайности безоблачного неба, пахнет цветами кизилового дерева, а тополиный пух учтиво облетает людей под звон детского велосипеда. Там колесо жизни неспешно катится в отзвуках старой шарманки...

Осторожная улыбка стекает невидимыми слезами по ее щекам. На кончиках ресниц дрожит тревога за завтрашний день. Я прикасаюсь к ним губами, не опасаясь того, что могу разбудить спящее чудо. Поцелуй шепотом. Она, что-то пробормотав, по-прежнему спит. А я, отгоняя ночь от себя, жду того самого мига, когда Мирумид проснется и сонно протянет: «G?naydin, sevgilim»[39 - Доброе утро, любимый (турец.)].... Выхожу покурить на балкон. Салатовая зажигалка, переливающаяся в своем нутре разноцветными конфетти. Полная луна на черно-синем небе, подле нее светится всего одна звезда. Верхушки минаретов, с которых через несколько часов по Стамбулу разольется азан. Во мне поселилась щемящая грусть. В ней нет отчаяния. Зато есть маленький страх потерять найденное. Страхи – самое большое испытание в любви. Преодолевая их, приближаешь чувства к вечности...

Босфор еще не спит. На него часто накатывает бессонница. Он как никто другой разгадывает мои состояния. И как никто другой знает, что сказать или спеть. Друг приветствует меня. Я машу рукой в ответ. «G?!mse haydi g?!mse... Bulutlar gitsin... Yoksa ben nasil yenilenirim... Haydi g?!mse»[40 - «Улыбнись, давай же, улыбнись... Пусть рассеются тучи... Иначе как же я воспряну духом?.. Давай же, улыбнись» (турец.)]. Босфор напевает знаменитую песню Сезен Аксу. Две фосфоресцирующие чайки подпевают своему гуру, качаясь на его темно-синей глади. Бросаю недокуренную сигарету: уносится вниз искрящейся кометой. Пытаюсь улыбнуться. Получается. Босфор ликует, чайки загалдели...

Пролив подбадривает меня еще одной песней. На этот раз из репертуара Джандан Эрчетин. «Zamanla aska alisiyorsun... Daha az g?l?p daha ?ok susuyorsun... Degistin sen h?l? g?rm?yorsun... Mucizeler nerede kahramanim yorgun musun?»[41 - Со временем привыкаешь к любви... Меньше смеешься, больше молчишь... Ты изменился, но все еще не замечаешь этого... Где же чудеса, о, мой герой, неужели ты устал?.. (турец.).] Я отвечаю: «Нет, конечно, не устал. Это просто страхи...» Друг мигом отзывается словами уже из другой песни. «Korkma kalbim de?er acisi...»[42 - Не бойся, сердце, боль пройдет... (турец.).] Киваю с лучезарной улыбкой на лице. Грусть прошла. «Спасибо, Босфор!» Он смущается: «Rica ederim»[43 - Не за что (турец.).]... Скоро рассвет.

6

...Отдалилась от Москвы, когда осознала, что та лепит из нее циничную суку. Выживая, побеждая в большом городе, она заражалась вирусом равнодушия, сама того не замечая. Сложно сохранить теплоту в себе там, где быть холодным легче и... удобнее. Цинизм – это когда оправдываешь всплески совести словами: «От меня мало чего зависит» – и сразу же с ними соглашаешься...

Мирумир силится говорить об этом со спокойным оптимизмом. Однако внутренние переживания отражаются в глазах, как бы их ни прятала. Напевая себе под нос «Damigamda» Лелы Цурцумия[44 - Известная эстрадная певица Грузии.] и время от времени вылавливая мой взгляд как робкую снежинку, она возвращается туда, где чаще всего замирает душевность. Она есть в тебе, но в замороженном состоянии...

«Сейчас я понимаю, что наша циничность была своего рода защитной реакцией. Больше проявлялась по отношению к себе, к своим трогательным чувствам, чем к окружающему миру. Как говорит один мой знакомый, „мы смотрели на мир, как на смесь лохотрона с парком отдыха“. Так и было. В Москве не живешь, а выживаешь. Не в плохом понимании этого слова. В контексте Москвы выживать – значит побеждать. Каждый день, каждую минуту. В переполненных автобусах, в вечных пробках, в бесконечных очередях. Если плюнешь на все, отойдешь в сторону, останешься без куска сыра...»

Снимает турку с плиты. Разливает ароматную коричневую гущу по белым чашкам. «Москва вышибает из своих жителей сентиментальность. Там приходится держать ее глубоко в себе и выпускать на волю только дома, перед сном, под теплым пледом, за чтением чувственной книги или за просмотром очередной мелодрамы... Понимаешь, там по-другому не получается. Бездомные собаки, брошенные люди, частокол протянутых рук. Если реагировать на все это, то тебя надолго не хватит. В Москве нужно жить с открытыми глазами, но с закрытым сердцем. Хотя, знаешь, Свету-свет, при таком раскладе бытия мы умудрялись сохранять человечность. Вопреки всему. Почти героизм...»

Допиваю кофе, переворачиваю чашку. Грех не погадать. «Как ты решилась уехать? Это ведь не так легко...» Мирумид закуривает. «Просто в один день, выбираясь на эскалаторе из „Белорусской“, я поняла, что теряю в суе выживания себя. Стало страшно. Чисто по-бабьи. Сопливая беззащитность... Я дала себе слово уехать туда, где живут иначе. Не лучше, не хуже. Именно иначе... Сейчас я здесь. И мне не страшно. Совсем. Сказать почему? Я нахожусь за тобой. За твоей спиной... Поверь, женщинам не так много надо...» Накрывает ладонью мою руку...

...У стамбульской погоды резко испортилось настроение. Оно выплеснулось наружу бестактным ливнем, обрушившимся на город в самый разгар воскресного дня. Косые серебристые канаты хлестали горячий асфальт, вымещая на нем свою злость. Ближайшие кафешки моментально заполнились: дождь разогнал отдыхающих жителей и наивных туристов. Непогода нас не испугала.

Мы не покидаем смотровой площадки Галатской башни. С шестидесятиметровой высоты, в промежутке между небом и землей, Золотой Рог кажется таинственным островом. Дождевые помехи и свинцовое освещение придают обзору эффект черно-белого кино. Мы не замечаем того, что промокли до нитки. Мы не чувствуем того, что медленно замерзаем под небесной лейкой. Здесь, на вершине «Башни Иисуса», жесткие ремни любви стягивают наши сердца. Здесь проживаем жизнь в обратном направлении...

Мирумид слизывает с губ капли дождя. «Светусвет, знаешь, какое самое большое достоинство Стамбула?» Вытираю мокрое лицо рукавом куртки.

«Скажи...» Она говорит громко, раздвигая шумовую завесу ливня. «В Стамбуле кажется, что жизнь состоит из одних начал без концов... Обманчивое впечатление?» Пожимаю плечами. «Почему же?! Может быть... Так хочется, чтобы наше настоящее было навсегда...» Мирумид мягко перебивает, продолжая: «...и чтобы наш завтрашний день повторял сегодняшний». Смотрю на Голубую мечеть, на дельфинов, плещущихся в Босфоре. «Именно...» Убирает волосы с лица. «Авообще такое возможно? Ну, чтобы навсегда?» Обнимаю Мирумид, чувствую дрожь ее тела. «Если ты крепче будешь держать меня за руку, то возможно»...

7

...Наш «Пежо 206» зажал в пробке на въезде в Шишли[45 - Центральный район в европейской части Стамбула.]. Сигнальная какофония, смешавшаяся с матом раздраженных водителей. Конец рабочего дня, все спешат домой. Кто-то ждет, кого-то ждут, а некоторые надеются, что их ждут. Вечный круговорот судеб, порою несправедливый. В Стамбуле продолжает лить дождь. Он будто недоволен приближающимся летом. Мол, пока есть возможность, как следует отыграюсь на весне. «Дворники» остервенело работают, шум дождя слышен сквозь наглухо закрытые окна.

Мирумид замороженно наблюдает за проделками непогоды. «Дождь объединяет людей, замечаешь? Перед ним, а точнее под ним, мы все равны...» Приглушаю радио, приспускаю стекло. Достая полупустую пачку сигарет из бардачка. «Закуришь?» Кивает. Прикуриваю для нее. Отодвинув сиденья, вытягиваем ноги. Все равно еще как минимум час проторчим в автомобильном заторе. По левую сторону от нас, за рулем белого «Мурано» пританцовывает блондинка с черными бровями. На соседнем сиденье застыл царственный английский мопс. Вытаращенные глазки, золотистый медальон на жирной шее, подрагивающие от громкой музыки ушки. Хозяйка толстопуза фальшиво напевает песню Таркана «*Vay anam vay*», подергивая шоколадными плечами. «*Sorma... Derdin nedir diye sorma... Gel g?r, halimi g?r de anla*»[46 - «Не спрашивай... Что у тебя за проблема?.. Не спрашивай... Иди сюда, взгляни на меня и все поймешь» (турец.)]. Ей наплевать на дождь, пробки и на то, что «давно нелюбовь, просто чем-то похожие люди». Она счастлива в своей внешней безмятежности...

По правую сторону от нас, в старом желтом такси с подбитым боком, уплетает донер[47 - Национальное турецкое блюдо, наподобие шаурмы.] лысый водитель. Кусочки помидора вываливаются из пышной булки на его клетчатую рубашку. По подбородку размазался кетчуп. На помятом лице таксиста безумная усталость, в глазах – безразличие ко всему миру. Мы с Мирумид, как китайские болванчики, вертим головами, наблюдая за таким наглядным контрастом бытия. Вот именно здесь, в заводи соприкасающихся течений реальности, вырисовывается истинная картина жизни. Если одному везет, то другому – нет. И все мы стремимся оказаться, удержаться в первой категории...

Мирумид протягивает руку навстречу каплям дождя. Они разбиваются о ладонь, стекая вниз по запястью. «...Я где-то вычитала, не помню, где именно. Там говорилось, что, в сущности, все мы мечтаем добраться до звезд. Многие в переносном, некоторые – в прямом смысле. Так вот, там говорилось, что если вдруг вы добрались до неба, но упустили свою звезду, постарайтесь загрести хотя бы полную пригоршню облаков...» Спрашиваю у нее, нашла ли она свою звезду? «Конечно... Угадай, где...» Пробка неожиданно сдвинулась с места. Я завел мотор, она не успела договорить. Мы проехали вперед, а сытый таксист все еще очищал салфеткой рубашку от томатных пятен...

* * *

...Запускаю руку в карман куртки, на дне которого полно табачных крошек, затягиваюсь последней сигаретой и люблюсь луной, серебрящей шелковую гладь Босфора. Дождь убрался восвояси. Рядом, закутавшись в лиловый плед, сидит Мирумид. Вглядывается в ночной горизонт, грызет подсоленные фисташки, вне существующего времени. Между нами небольшое расстояние, совсем не ощущаемое.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Улица Независимости в центре Стамбула.

2

Турецкая сладкая выпечка.

3

Турецкая разменная монета.

4

«Можно» (турец.).

5

Турецкие бублики, усыпанные семечками кунжута.

6

Сладкий сырный пирог, который едят исключительно горячим.

7

Один из символов Стамбула, расположена в европейской части города на высоком холме района Галата.

8

Генуэзцы, построившие Галатскую башню в 1348–1349 гг., называли ее «Башней Иисуса».

9

«Здравствуй, грусть!» (фр.).

10

Здоровья твоим рукам (турец.).

11

«Стамбул потерял тебя... Записал на старую ленту...» (турец.).

12

«Можете не стучать» (англ.). Психологическая драма, 1952 г. Главную роль в ней сыграла Мэрилин Монро.

13

От губ к сердцу (турец.).

14

Любимый (турец.).

15

Турецкая народная музыка (турец.).

16

Знаменитый певец Турции.

17

Тетя (турец.).

18

Свет моих очей (турец.).

19

Дочь (турец.).

20

Сумак – красновато-бордовая приправа с кислым вкусом.

21

Город на юго-востоке Грузии, в 25 километрах от Тбилиси.

22

Не волнуйся, будь счастлив (англ.).

23

Знаменитый азербайджанский соус, готовится из уваренного гранатового сока.

24

Один из поселков г. Баку.

25

Вход и выход (турец.).

26

Учитель (турец.).

27

Лепешки с колбасой (турец.).

28

«Старшая сестра» – уважительное обращение к женщине (турец.).

29

Город на юго-востоке Турции.

30

Парикмахерская (турец.).

31

Кемер – курорт на берегу Средиземного моря.

32

Братишка (турец.).

33

Тюльпанообразный стакан – один из символов Турции.

34

Пассажирский пароход в Стамбуле.

35

Вежливое обращение в Турции.

36

Благодарю (турец.).

37

Пусть Аллах будет вами доволен! (турец.).

38

Традиционный стакан для чая в Азербайджане.

39

Доброе утро, любимый (турец.).

40

«Улыбнись, давай же, улыбнись... Пусть рассеются тучи... Иначе как же я воспряну духом?.. Давай же, улыбнись» (турец.).

41

Со временем привыкаешь к любви... Меньше смеешься, больше молчишь... Ты изменился, но все еще не замечаешь этого... Где же чудеса, о, мой герой, неужели ты устал?.. (турец.).

42

Не бойся, сердце, боль пройдет... (турец.).

43

Не за что (турец.).

44

Известная эстрадная певица Грузии.

45

Центральный район в европейской части Стамбула.

46

«Не спрашивай... Что у тебя за проблема?.. Не спрашивай... Иди сюда, взгляни на меня и все поймешь» (турец.).

47

Национальное турецкое блюдо, наподобие шаурмы.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elchin-safarli/kogda-ya-bez-tebya-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)